

Констан Геру

Замок Шамбла

MMB-Text

Констан Геру Замок Шамбла

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3947115
Замок Шамбла / Констан Геру : [пер. с франц.]:*

Аннотация

Констан Геру – популярный французский автор детективов начала XIX века. Сотрудничал с Пьером Законнэ и другими талантливыми романистами.

Как известно, неслыханное богатство способно вскружить голову даже самым благородным дамам. Графиня де ла Рош-Негли мечтает развести свою дочь с мужем, чтобы отобрать у него фамильный замок Шамбла. Однако все уловки и хитрости ни на шаг не приблизили ее к желаемой цели, и она решается на преступление

Содержание

I	4
II	6
III	9
IV	13
V	16
VI	21
VII	28
VIII	29
IX	32
X	35
XI	40
XII	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Констан Геру

Замок Шамбла

I

Двадцать девятого августа 1840 года четыре человека, две женщины и два аббата, сидели в комнате на первом этаже дома, расположенного на одной из самых уединенных и наименее посещаемых в Пюи улиц. Такие улицы еще встречаются в провинции – широкие, опрятные, пустынные, как монастырь. Дома здесь – с тремя ступенями у подъездов, с узкими дверьми, с двойными занавесками на окнах – полны тайны и безмолвия; кажется, что они дышат уютом и свидетельствуют о пребывании или посещении их духовными лицами.

Эти четверо были графиня ла Рош-Негли де Шамбла, Теодора де Марселанж, ее дочь, аббаты Карталь и Друэ, священники из Пюи. Они играли в вист при свете накрытой матовым стеклом лампы, что позволяло им лишь неясно различать углы просторной гостиной, убранной старинной мебелью, тяжелыми портьерами, двойными занавесками и толстыми коврами, гасившими шум и громкие возгласы. Всецело поглощенные игрой, эти четыре osoby, внимательные и бесстрастные, говорили редко, в немногих словах и почти шепотом, так что, если бы их увидел какой-нибудь сторонний наблюдатель, он бы, наверно, сказал себе: «Если и есть в Пюи четверо совершенно счастливых людей, без страстей, без забот и в ладах со своей совестью, то это наверняка они!» Как всегда, внешнее благообразие жестоко обмануло бы того, кто высказал бы это суждение, поскольку здесь находились по крайней мере двое, каждый из которых испытывал сильное душевное волнение и угрызения совести.

Графиня ла Рош-Негли – она предпочитала называться этим именем, а не Шамбла – была женщина высокого роста с чрезвычайно изящным лицом. Выглядела она очень молодо, хотя ей было около шестидесяти лет; ее благородная и величественная осанка, живые глаза, самоуверенный взгляд, тонкие сжатые губы придавали ей вид властный, надменный и весьма неприятный. Госпожа Марселанж, ее дочь, очень походила на нее, хотя ее стан не отличался стройностью, а черты лица, скорее суровые, чем благородные, носили следы перенесенной оспы.

Несколько лет тому назад графиня де Шамбла, тогда женщина светская, постоянно вращавшаяся в лионском обществе и слишком поглощенная удовольствиями и своими собственными успехами, чтобы должным образом заботиться о своей дочери, скорее по недосмотру позволила ей выйти замуж за Марселанжа, нежели сознательно дала свое согласие на этот брак. Впоследствии смерть графа де Шамбла и финансовые проблемы, возникшие вследствие этого обстоятельства между графиней и ее зятем, заставили ее переселиться в поместье Шамбла. Вот тогда-то и обнаружился характер тещи-губительницы, как ее назвал один родственник господина Марселанжа.

Чтобы составить себе точное представление об этой странной личности, коей являлся господин Марселанж, надо вернуться в эпоху Людовика XIV и вспомнить мелких помещиков из далекого провинциального захолустья, постоянно и безжалостно высмеиваемых на театральных подмостках, в романах и в карикатурах, этих ничтожных дворянчиков, более гордых и спесивых, чем Роганы и Монморанси. После этого становится понятно, какое отвращение внушило графине поместье Шамбла, превращенное в обширную ферму, где каждый вечер рядом с хозяевами садились за стол грубые крестьяне, нечесаные и грязно одетые; понятно, какое презрение испытала она к Марселанжу, когда увидела, что он представляет собой воплощение настоящего захолустного помещика, разговор и обращение которого

напоминало тех, среди которых он проводит жизнь, занимаясь только продажей и покупкой скота, и даже унижается до того, что говорит о рынках, сенокосе и навозе.

Глубокая антипатия, которая неизбежно должна была возникнуть вследствие антагонизма этих двух натур, не замедлила обнаружиться, и подобная антипатия в такой женщине, как графиня ла Рош-Негли, в скором времени приняла форму сильнейшей ненависти. Эта скрытная, но свирепая неприязнь имела целью со стороны графини не только унизить зятя в глазах слуг, но и вселить в сердце дочери те же ненависть и презрение, какие она сама испытывала к ее мужу. Она без труда в этом преуспела. В госпоже Марселанж, хотя и обладавшей надменным характером, но привыкшей всегда склоняться под железную руку графини де Шамбла, которая полностью довлела над ней благодаря своей материнской власти и острому уму, равнодушие очень скоро переросло в антипатию. Несмотря на то что она была матерью двух маленьких детей, она согласилась переселиться из Шамбла в Пюи к графине, которая поспешила вновь занять подобающее место в светском обществе, подальше от мужлана-зятя и его неотесанных крестьян. Но тем не менее она беспрестанно вынашивала планы мести.

Среди крестьян, которые внушали ей такое отвращение, она заметила одного человека и угадала скрывавшиеся под его угрюмостью и нелюдимостью ум, энергию и гордость. Графине удалось узнать, что при жизни графа де Шамбла он из простого свинопаса сумел выбиться в управляющие, однако, невзирая на это, Марселанж, сделав из поместья Шамбла ферму, заставил его вернуться к своему прежнему занятию. Из-за этого в душе мстительного крестьянина возникли тайная, глубокая и жгучая ненависть к Марселанжу и вместе с тем неограниченная преданность семейству Шамбла. Эти два чувства графиня усиленно раздувала знаками уважения и внимания, а также другими способами, о которых мы еще расскажем, и увезла этого человека с собой в Пюи.

Крестьянин этот, по имени Жак Бессон, кроме своей ненависти и жажды мщения, выражавшихся в преданности графине, также обещал ей поддержку в лице своих братьев, семейных сильных крестьян. Они представляли собой нечто вроде зловещего шотландского клана и пользовались в округе дурной репутацией, вселяя в мирных обывателей сильный страх, о чем прекрасно знала графиня де Шамбла.

Это еще не все: для того чтобы сделаться непобедимой и неуязвимой в борьбе, к которой она готовилась и для успеха которой она заранее решила на все, графиня задумала найти себе сильных союзников и влиятельных покровителей. С этой тайной целью первое, что она сделала по приезде в Пюи, – это стала как можно чаще посещать церкви и приглашать к себе священников, одновременно пытаясь коротко сойтись с самыми набожными людьми в городе и заручиться их расположением. Предприняв усилия, чтобы обезопасить себя, как ей казалось, со всех сторон, графиня ла Рош-Негли перешла в наступление, заставив свою дочь подать прошение о разводе.

II

Сначала пришедший в сильнейшее негодование, Марселанж скоро понял, что этот гнусный поступок, так же как и все, в чем он мог упрекнуть свою жену, она совершила по наущению тещи. Глубоко убежденный в этом, он отверг требование госпожи Марселанж. Начался процесс, который он выиграл, после чего попытался помириться с женой.

У госпожи Марселанж было двое детей от этого брака. Она не чувствовала ни любви, ни ненависти к своему мужу, которого могла упрекнуть только в чрезвычайной скупости, оправдываемой, впрочем, необходимостью как можно скорее избавиться поместье Шамбла от долгов. Она согласилась бы на примирение, если бы мать не ответила вместо нее и со свойственным ей деспотизмом, движимая своей ненавистью и корыстью, единолично не приняла бы решение, от которого зависела вся последующая жизнь ее дочери.

Все ходатайства, включая прошение архиепископа Лиона, того города, где графиня столь блистательно и расточительно жила после смерти своего мужа, оказались бессильны против непоколебимой воли и несговорчивого характера этой донельзя властной женщины. Марселанжу не оставалось ничего другого, как воззвать к правосудию и обратиться в полицию, чтобы его жену силой закона вернули в дом мужа. Графиня ла Рош-Негли, пришедшая в ярость от дерзости полицейских, изумленная и оскорбленная тем, как они посмели переступить порог ее дома, швырнула ордер в огонь и не обратила на него никакого внимания.

Между тем дети Марселанжа умерли один за другим через несколько месяцев, и отца даже не уведомили об этом. В этом, как и во всем другом, чувствовалась рука графини. Это характерная манера поведения, дополняющая портрет этой женщины и позволяющая оценить всю ее неукротимую энергию и всю низость, на которую способны беспринципные натуры, в то время как показная, фальшивая набожность лишь усиливает их и без того безграничную ненависть.

Проиграв процесс, в результате которого суд отверг прошение госпожи Марселанж о разводе и показал ее мужа в самом благородном свете, другая на месте графини де Шамбла признала бы свое поражение. Графиня, напротив, еще более ожесточилась. Победенная правосудием, она искала другие, куда более изощренные способы мести. Наконец у нее родился дьявольский по своему замыслу план. Если бы он удался, то Марселанж оказался бы опозорен до конца дней своих и сделался бы объектом нескончаемых насмешек, в то время как его жена и теща вернули бы себе былое уважение и восстановили бы свою репутацию, в немалой мере пошатнувшуюся в ходе скандального разбирательства. В результате развод, которого всеми силами добивалась графиня, стал бы неизбежен.

Спустя некоторое время после окончания процесса к Марселанжу пришла некая дама, попросившая его разменять золотые монеты на серебряные. Эта женщина, которую он вовсе не знал, была молода и недурна собой. Марселанж очень скоро заметил, что вела она себя в высшей степени странно, то и дело бросая на него соблазнительные взгляды и завлекающе ему улыбаясь, наконец, вольность разговора и некоторые двусмысленные выражения заставили его понять характер этого гнусного существа. Тогда, резким тоном заявив незваной гостье, что у него нет того, о чем она просит, он выпроводил ее, не подозревая об истинной цели визита, в котором он поначалу увидел лишь корыстный расчет. Цель эту он понял несколько часов спустя, узнав, что два человека неотлучно находились у дверей комнаты, где он разговаривал с незнакомкой, в любой момент готовые стать свидетелями проступка, который в одно мгновение мог переменить роли действующих лиц. Итак, знатная дама, столь гордившаяся своими предками, не погнушалась сговориться с продажной женщиной, чтобы спровоцировать своего зятя на супружескую неверность.

Какие же личные выгоды преследовала графиня в этом деле? Графиня ла Рош-Негли надеялась посредством развода поселиться в поместье Шамбла, и желание это, постоянно обуревавшее ее, вскоре приняло масштабы навязчивой идеи. Самая мысль о том, что Марселанж владел замком Шамбла, жил там и управлял им, вызывала у графини припадки бешенства, но бешенства ханжи, то есть внутреннего и никогда не проявлявшегося на поверхности. Графиня очень хорошо владела собой и не могла себе позволить хоть на минуту сбросить маску набожности, которую она надела на свое лицо.

Когда ей не удалось заманить Марселанжа в гнусную мышеловку, описанную нами, графиня, по-видимому, покорила судьбе и занималась только посещением церквей и помощью бедным. Но в то же время она тайно принимала у себя молодого крестьянина по имени Арзак, бывшего служителя в Шамбла, человека, преданного Жаку Бессону, который, в свою очередь, сам был предан «дамам», как в Пюи и в Шамбла называли графиню и ее дочь. Этот Арзак оказался способен на все, если речь заходила о презренном желтом металле. Обычно он поздно вечером прокрадывался в дом графини, пил и ел, иногда принимал угощение из рук благородных дам, долго о чем-то рассказывал, а потом снова уходил в Шамбла, щедро вознагражденный за свою усталость и шпионское усердие.

Итак, 29 августа 1840 года, как мы сказали в начале нашего рассказа, графиня де Шамбла и ее дочь играли в вист с аббатами Карталем и Друэ, когда кто-то вдруг вошел не постучавшись. Это была Мари Будон, горничная госпожи Марселанж, наполовину крестьянка, наполовину горожанка, женщина лет тридцати с резкими чертами лица, со смелым и умным лицом, с громким голосом и решительными движениями. Как и Жак Бессон, она хранила слепую преданность «дамам» Шамбла и люто ненавидела Марселанжа.

– Ну, Мари, – спросила ее графиня фамильярным тоном, к которому всегда примешивалась некоторая надменность, – что-то случилось? Почему тыходишь подобным образом?

– Случилось... Я должна исполнить приказаний у вашего сиятельства.

Графиня поняла по резкому и возбужденному голосу своей служанки, что речь идет о чем-то важном; она встала, извинилась и пошла в сопровождении Мари Будон в дальнюю комнату.

– Что произошло? – нетерпеливо произнесла она. – У тебя взволнованный вид.

– Не без причины, – ответила горничная. – *Оттуда* есть новости, – прибавила она, энергично вскинув руку и указывая куда-то вдаль.

– Ага! – воскликнула графиня. – Говори, что там такое? – продолжала она, пристально глядя на Мари.

– *Он* уезжает.

– Надолго?

– Навсегда.

– По какой причине?

– Боится.

– Боится... чего? Или кого?

Мари Будон не отвечала, и в комнате на некоторое время повисла тишина, которую прервала графиня:

– Куда он едет?

– В Мулен, к родным.

– Стало быть, он оставляет Шамбла нам? – обрадовалась графиня.

– Напротив.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Пока он здесь, у вас все еще есть надежда покончить с ним тем или иным образом... через судей... или как-то иначе; между тем, если он уедет, Шамбла вам никогда не достанется, потому что он отдает его в аренду землевладельцу из Лардероля.

– Как! Он осмелился подумать...

– Это уже сделано.

– Негодяй!.. – прошипела графиня.

Она, как и Мари Будон, поняла, что этот отъезд и аренда Шамбла гасили последний лучик надежды на то, что она опять сможет вступить во владение этим поместьем.

– Кто тебе это сказал? – спросила графиня после долгого молчания.

– Арзак.

– Он еще здесь?

– Да, на кухне. Я уже накормила его ужином.

– Пусть он придет поговорить со мной.

Мари Будон вышла.

– Что делать? – прошептала графиня, когда осталась одна. – Если он уедет, все пропало. Надо его удержать, но как? Написать ему? Нет, писать не нужно. Поговорить с ним? Показать желание к примирению?.. Он нам не доверяет, почует неладное и, может быть, ускорит свой отъезд. О! Что делать? Что делать?

– Вот Арзак, – сказала Мари Будон, войдя в комнату в сопровождении того, о ком докладывала.

III

Арзак был молодым человеком лет двадцати трех, подвижное лицо которого, тонкие сжатые губы и бегающие черные глазки свидетельствовали о лукавстве, дерзости и жадности. Его черные густые жесткие волосы ниспадали прямо на лоб и отчасти скрывали его хитрый и угрюмый взгляд. На нем были камзол без пояса и круглая шляпа, которую обычно носили крестьяне, жившие в горах. Вертя в руках свою шляпу, он поклонился графине де Шамбла со смешанным выражением неловкости и цинизма на лице и ждал, пока она заговорит с ним.

– Здравствуй, мой добрый Арзак, – по-дружески обратилась к нему графиня. – У тебя благородное сердце, а преданность – выше всяких похвал.

– О! Ваше сиятельство, не стоит об этом говорить, – ответил пастух с видом смирения и замешательства, прекрасно разыгранного, потому что он не чувствовал ни малейшего смущения. – Притом что же я сделал до сих пор? Не бог весть что. От Лардероля, где я теперь пастухом, до Шамбла совсем недалеко, а мне все равно, в какую сторону водить своих баранов. Я вижусь со старыми товарищами, разговариваю с ними, узнаю новости и прочие безделицы, невинно повторяю их вам, вот и все.

– Итак, – резко оборвала его графиня, – господин Марселанж уезжает из Шамбла?

– Да, это так.

– Кто тебе это сказал?

– Мой хозяин, Берже.

– Мэр Лардероля?

– Именно он. Это очень добрый человек, который за вас готов дать себя изрубить на куски.

– А он как это узнал?

– Сначала он услышал это от того, кто берет Шамбла в аренду, а потом и от самого господина Марселанжа.

– Значит, в этом нет ни малейшего сомнения?

– Ни малейшего.

– И ты знаешь, когда господин Марселанж уезжает?

– Знаю, ваше сиятельство.

– Ага!.. И когда же?

– Первого сентября.

– Через три дня! – вскрикнула графиня, вскочив со своего места.

– То есть, – поправился Арзак, – первого числа он подписывает договор, а уезжает второго.

Графиня опять села, опустила голову на руки и оставалась несколько минут в этом положении. Она пребывала в сильном недоумении, которого не пыталась скрыть, то ли потому, что полностью доверяла Арзаку, то ли оттого, что с надменностью знатной дамы видела в нем скота, не способного ни что-либо понимать, ни делать выводы. Через несколько минут она прошептала глухим голосом:

– Жак Бессон! – Казалось, в этом слове сосредоточились все мысли, кипевшие в ее голове. – Невозможно! – тотчас добавила она, качая головой. – Он болен.

– Тем лучше, – прошептал Арзак.

Графиня вдруг подняла голову, удивленная и оскорбленная этим ответом на свои тайные и недосказанные мысли. Молодой пастух, уставившись в потолок, все вертел в руках шляпу. Судя по его бесстрастной остроносой физиономии, можно было поклясться, что он ничего не говорил, ничего не слышал и ничего не понял.

– Что ты сказал? – спросила его графиня.

– Ничего, если это не нравится вашему сиятельству, – ответил лукавый крестьянин.

– Напротив, я прошу тебя повторить то, что ты сказал.

– Я сказал: «тем лучше».

– Что ты имеешь в виду?

– Положим, что случится несчастье с кем-нибудь там... в Шамбла... Станут подозревать кого угодно, только не несчастного больного, лежащего в постели, лихорадочного, бледного, слабого, как ребенок, с израненными ногами.

– Что значит это предположение и с кем, по-твоему, может случиться несчастье? – спросила графиня де Шамбла, устремив на Арзака пронзительный взгляд.

– Не знаю, – ответил он с притворной глупостью, которая никак не вязалась с его хитрым лицом. – Я говорю простодушно, как бедный крестьянин, несведущий и незлобивый.

– Перестань ломать комедию, – возразила графиня. – Ты гораздо умнее, чем хочешь казаться.

– Я знаю достаточно, чтобы отличить траву от пшеницы, а больше ничего и не нужно для бедного пастуха, у которого нет других забот, кроме как хорошенько охранять свое стадо.

Графиня рассматривала Арзака так, будто старалась разгадать какую-то загадку.

– Послушайте, сударыня! – воскликнула вдруг Мари Будон. – Арзак – хитрая штучка, с ним не надо скрытничать, а прямо высказать ему ваши намерения. Тогда он станет слепо служить вам и поможет возвратить поместье Шамбла, которое у вас украл этот...

Арзак обернулся к графине, по-видимому ожидая, что после страстной тирады горничной та станет доверять ему гораздо больше, чем до этого.

– Арзак, – обратилась к нему горничная, – видел ли ты когда-нибудь три тысячи монет по двадцать су?

– Три тысячи монет по двадцать су! – вскрикнул крестьянин с таким восторгом, что графиня едва не испугалась.

– Ну, если ты сможешь дамам вернуться в Шамбла, то в твоём кармане окажутся эти три тысячи, – пояснила Мари.

Графиня поняла ее и добавила:

– Да, Арзак, если ты останешься предан мне до конца, ты можешь надеяться получить эту сумму в тот же день, когда я займу свое место в поместье Шамбла, то место, которое у меня отнял господин Марселанж, и моя благосклонность к тебе этим не ограничится.

– Почему же не сказать всего, пока вы здесь? – тотчас же предложила горничная с присущим ей нетерпением. – Пусть тот, другой, навсегда исчезнет из Шамбла, все равно каким образом, а дамы обеспечат тебя на всю жизнь.

От этих слов угрюмое лицо молодого пастуха просияло, а графиня не могла не восхищаться той прозорливостью, с какой ее служанка умела угадать тайные желания этого человека.

– Правда ли это, сударыня? – спросил Арзак, обернувшись к графине с видом человека, едва верящего своим ушам.

– Мари Будон верно выразила тебе мои намерения, – согласилась графиня.

– О! Если так, ваше сиятельство, – обрадовался Арзак, – вы можете рассчитывать на меня в любое время дня и ночи, и я всегда к вашим услугам!

– Теперь объясни-ка мне, что значит сказанное тобой относительно Жака Бессона и господина Марселанжа?

– Все очень просто, ваше сиятельство. Жак Бессон не любит своего бывшего хозяина, и ему может прийти в голову мысль рассчитаться с ним до второго сентября. Если вдруг это плохо кончится для... кого-нибудь, то полиция не станет его подозревать, потому что он

лежит в постели бледнее утопленника. Это знают все соседи, которые в случае чего смогут засвидетельствовать это в суде. Вот почему я сказал: «Если он болен, тем лучше».

Графиня молча смотрела на него, а Арзак тем временем продолжал:

– При всем этом никто в горах не осмелится дать показания против Жака – ведь у него семеро братьев, которых все боятся. И еще: разве судьи осмелятся осудить человека, который находится в услужении у графинь де Шамбла?

Эти слова, произнесенные с глубоким убеждением, очень точно характеризовали то влияние и уважение, которым пользовались в этом краю имя и состояние графинь де Шамбла. Они также в полной мере отражали всеобщее мнение о правосудии, которое считали способным, как мы увидим позже, преклоняться перед титулами. Графиня, помолчав с минуту, сказала молодому крестьянину:

– Заканчивай свой ужин, Арзак, и приходи сюда завтра.

Арзак смиренно поклонился и вернулся в кухню, бормоча:

– Три тысячи монет по двадцать су! Я обеспечен на всю жизнь!

После его ухода графиня о чем-то мрачно и напряженно раздумывала.

– Ты уверена в этом человеке, Мари? – спросила она наконец свою служанку.

– Уверена ли?! О! Вы не знаете Арзака: после того, что ему обещано, он ваш и телом и душой, и пусть сам Сатана попытается вырвать у него хоть слово. Он хитер и упрям, словно мул.

– Три дня! – прошептала графиня, раздираемая внутренней борьбой, которая явственно читалась на ее лице. – На что решиться?

Она вдруг встала, сделала несколько шагов, произнесла какую-то невнятную фразу, потом остановилась, опустила голову на руки и осталась неподвижна, время от времени бормоча что-то себе под нос.

– Он очень слаб? – спросила она, вдруг обернувшись к горничной.

– Кто это он? – не поняла Мари.

– Он – то есть Жак, – пояснила графиня.

– Очень.

– Вот ведь беда! – воскликнула графиня, гневно сверкнув глазами.

– Это беда только для того, кто сейчас сидит в Шамбла.

– О чем это ты?

– О том же, о чем и Арзак: чем он слабее, тем лучше.

– Но если он не может ходить?

– О! – сказала Мари Будон, понизив голос. – Я знаю способ заставить его ходить, даже если бы он хрипел на смертном одре.

– И что же это за способ? – поинтересовалась графиня с некоторой нерешимостью в голосе.

– Тот, который вы уже испытали на Жаке и который так вам удался.

Графиня вздрогнула, лицо ее чуть заметно покраснело.

– Да, – сказала она тихим и взволнованным голосом, приблизившись к служанке, – мы много сделали, чтобы привязать к себе этого человека, однако он не может ожидать... ничего более.

– Не может, если вы не потребуете от него чего-нибудь другого, – возразила Мари со свойственной ей грубой и прямолинейной логикой. – Но зачем же вы тогда льстили его жадности и честолюбию? Зачем вы вселили в него надежду на легкую наживу? Для того, чтобы когда-нибудь в случае необходимости сказать ему: «Вот преграда на нашем пути, надо уничтожить ее во что бы то ни стало, даже... ценою твоей крови».

– Мари! – вскрикнула графиня, отступая на шаг.

– О! Давайте не будем цепляться к словам, ваше сиятельство, этак, пожалуй, мы не пойдем друг друга. А сейчас мне время уходить.

IV

Графиня не нашла в себе сил возражать. Эти резкие и откровенные слова о том, о чем она едва осмеливалась подумать, привели ее в ужас. От волнения у нее закружилась голова.

Служанка продолжала:

– Этот день, давно ожидаемый всеми, и им и вами, настал. Для него пришел час рискнуть своей головой, а для вас это шанс воплотить в жизнь великую надежду, которую столь давно и трепетно лелеет госпожа Теодора, словом...

– Довольно, довольно! – перебила графиня, закрыв рукой рот горничной и бросая направо и налево испуганные взгляды.

– О, – продолжала Мари Будон тихим, но энергичным тоном, – вам уже нельзя отступать, надо идти до конца, иначе все погибнет. Я знаю Жака Бессона так же хорошо, как знаю Арзака. Пастуха мы заманили посредством алчности и крепко держим его, клянусь вам. Теперь вы должны заманить Жака, и если вы и госпожа Теодора решитесь на это, то я вам за него ручаюсь. Он сделает что прикажете, а потом... никакие палачи на свете не вырвут у него ни слова.

Наступила короткая пауза, после чего графиня, пристально глядя на Мари, серьезно спросила:

– Кто же тот человек, что не дрогнет перед лицом смерти?

– Этот человек – Жак, – резко ответила служанка. – Но с условием: одно за другое.

Вновь наступило долгое молчание, во время которого на лице графини поочередно отразились все борющиеся в ней чувства. Наконец она наклонилась к уху Мари Будон и прошептала дрожащим голосом:

– Пойди и поговори с ним.

– Я могу сказать все, что захочу?

– Все, – ответила графиня.

Потом, отпустив служанку, она вернулась в гостиную. Когда графиня заняла свое место за карточным столом между аббатами Карталем и Друэ, лицо ее, недавно столь суровое, пылавшее огнем низменных страстей, вновь приняло выражение кроткого благодушия, по которому о ней и судили в свете. Выражение это становилось еще более постным и благочестивым в присутствии духовных лиц или набожных особ. Прерванную партию продолжили, но, несмотря на свою энергичную натуру, графиня де Шамбла, сильно взволнованная принятым ею решением и мрачными картинами, встававшими перед ее бурным воображением, не могла преодолеть своего волнения и часто допускала промахи в игре. Она сама заметила это и, играя роль набожной лицемерки, нашла способ извлечь пользу из того, что могло бы бросить хоть малейшую тень на ее безупречную репутацию.

– Извините, господин аббат, – сказала она своему партнеру, – но я должна признаться, что теперь совсем не думаю об игре.

– Откровенно говоря, – ответил аббат Карталь, – я заметил, что ваше сиятельство заняты своими мыслями.

– Да, господин аббат, я занята одной мыслью, или, лучше сказать, угрызениями совести, которые преследуют меня с самого утра.

– Угрызениями совести? Не может быть, графиня! – воскликнул аббат Карталь с сомнением, очень лестным для графини.

– Да, господин аббат, именно так, – продолжала графиня. – Проезжая сегодня утром мимо богадельни, я заметила бедную женщину, очень плохо одетую, и тогда мне стало стыдно, что я одета в шелка и бархат, между тем как эта согбенная от старости несчастная мерзнет на холодном ветру. Я думала об этом целый день и нашла только одно средство

успокоить свою совесть – попросить вас как попечителя этой богадельни принять для этих несчастных пятьсот франков, которые я наверняка истратила бы на пустяки, на какие-нибудь наряды, и которые там будут употреблены более достойным образом.

Сначала оба аббата приняли эти слова с восторженным молчанием, потом начали восхвалять благотворительность и набожность графини де Шамбла, которая прекратила их восторженные речи, объявив, что она и слышать не хочет о таком пустяке. После этого все снова принялись за игру, которая уже не прерывалась до десяти часов. Ровно в десять, по неизменному обычаю, аббаты встали и простились с дамами.

– Извините, – обратилась графиня к аббату Карталю, – я должна пятьсот франков для больницы, и именно здесь уместны слова: «Кто платит свои долги, тот становится богаче».

– Что же вам беспокоиться, графиня, – ответил аббат, – будет время и завтра.

– Нет, – сказала графиня с улыбкой, исполненной доброты. – Помощь старикам нужно оказать как можно скорее, они ведь так бедны! Притом, признаться, я не заснула бы, если бы вы ушли без этих денег, следовательно, я из чистого эгоизма желаю отдать их вам именно сегодня.

Тотчас встав, она открыла свое бюро, вынула оттуда билет в пятьсот франков и отдала его аббату Карталю. Оба аббата ушли, проникнутые умилением. Услышав, как заперли дверь на улицу, графиня подбежала к окну и прислушалась. Стояла вечерняя тишина, и она смогла уловить несколько фраз, которыми обменялись священники.

– Какая небесная душа!

– Какая щедрая благотворительность!

– Какая набожность! Какая живая вера!

– Ах, это благородная и праведная женщина!

Они все дальше уходили от дома, поэтому и графиня не слышала ничего, кроме смутного говора.

– Хорошо! – прошептала она. – Вот пятьсот франков, очень выгодно помещенных.

Оба аббата с трудом узнали бы ее, когда она произносила эти слова: ее лицо вдруг совершенно преобразилось, и они напрасно пытались бы найти в нем хоть малейший след той кротости, которая всегда так глубоко трогала аббатов и набожных особ. Мари Будон в это время сидела в комнате Жака Бессона, исполняя свое трудное поручение. Он лежал, еще не вполне поправившись после оспы, обезобразившей его лицо. Это был человек лет тридцати пяти, среднего роста и крепкого телосложения, с лицом серьезным, холодно-решительным, с довольно правильными чертами, несмотря на следы оспы, от которой распухли его губы. Волосы и глаза у него были черные, взгляд прямой, спокойный и рассудительный. Его бледное, исхудалое лицо просияло, когда вошла горничная.

– Спасибо, Мари, что пришли, – сказал он. – Как любезно с вашей стороны навестить больного, не боясь заразиться самой. Как здоровье дам? – тотчас добавил он, но уже другим тоном.

Мари Будон села возле кровати и, глядя прямо ему в глаза, сказала:

– Дамы прислали меня узнать о вашем здоровье.

– О, как они добры! – воскликнул Жак. Его бледное лицо покраснело от удовольствия.

– Их доброта этим не ограничится, – продолжала служанка.

– Чего же более я могу желать? – спросил больной.

– Я вам скажу, хотя вы это знаете лучше меня.

– Вы?! – произнес Жак с ужасом.

– Да, я, Жак, – сказала она. – Я, потому что однажды, когда вы не знали, что я здесь, я слышала, как вы отвечали Арзаку, который вас спрашивал, о чем вы думаете: «Я думаю, что пас свиней в Шамбла, а скоро стану там хозяином».

– Вы слышали это? – пролепетал Жак дрожащим голосом.

– Не одна я слышала это, – заметила Мари Будон с улыбкой, заставившей больного задрожать.

– Святая Дева! – с тоской воскликнул он. – Кто же еще?..

Договорить он не смог. Устремив глаза на Мари, Жак ждал ее ответа.

– Ну да, – произнесла она после некоторого молчания, – вы угадали – это она.

– Госпожа Теодора! – вскрикнул Жак, опустив голову на подушки.

Потом он прошептал, дрожа всем телом, словно в лихорадке:

– Господи Иисусе Христе! Что же она должна была подумать?

– Я вам скажу и это, Жак.

Наступило минутное молчание, во время которого слышалось громкое и прерывистое дыхание больного, который, по-видимому, задышался.

– Вам тяжело, Жак? – спросила его Мари Будон.

– Это вы заставляете меня умирать от нетерпения и тоски, Мари, – ответил Жак глухим голосом. – Что подумала она? Говорите... говорите же, если вы знаете!

– Она подумала, что вы любите ее и осмеливаетесь надеяться быть любимым ею.

– Никогда! Никогда я и помыслить не мог о подобной дерзости! – вскрикнул Жак вне себя.

– Она еще подумала, что ваша любовь из тех, которой не страшны никакие препоны, которая не остановится ни перед чем, даже перед мыслью о преступлении, ради того, чтобы сделаться хозяином Шамбла и обладать ею.

– О преступлении? – пролепетал больной, пристально глядя на Мари.

– Как же вы можете сделаться хозяином Шамбла, если не через брак с госпожой Теодорой? А каким образом вы сможете жениться на госпоже Теодоре, если оставите *его* в живых? Итак, хотите владеть поместьем Шамбла? Вы сказали это во всеуслышание, а сами тайно замышляете избавиться от владельца Шамбла. Вы и это сказали, только шепотом и одному себе.

Жак Бессон молчал: он был поражен. Служанка продолжала:

– Я угадала это в ваших словах, и госпожа Теодора также это поняла.

– Но ведь тогда она должна меня до смерти бояться! – вскрикнул Жак. – Однако она ошибается, она дурно судит обо мне, я никогда не думал об убийстве!

– Что же значили ваши слова? – с изумлением спросила Мари Будон.

– Я просто фантазировал, высказал довольно сильное желание, которое и могло бы навести меня на мысли об убийстве. Но чтобы на самом деле решиться на такое... Нет, я никогда не смог бы... Нет, никогда! Скажите это госпоже Теодоре!

Мари Будон пожала плечами и, глядя на больного с презрительным состраданием, сказала:

– А я-то считала вас мужчиной, Жак.

– Но... – удивленно пробормотал Жак.

– Довольно! – презрительно перебила служанка. – Я поговорю с госпожой Теодорой, если вы этого хотите, и вот что я ей скажу: «Этот Жак Бессон, человек, любовь которого вас восхищала, а не оскорбляла, этот крестьянин, которого вы считали храбрым и великодушным, преданность которого произвела на вас такое сильное впечатление, оказался трусом. Вы думали, что он готов на все, чтобы стать достойным вас и избавить вас от ненавистного мужа, – но вы жестоко ошиблись в этом человеке, и то, что вы принимали за сильную страсть, способную на все, чтобы обладать вами, было лишь робким и слабым желанием, мгновенно угасшим перед первым же серьезным препятствием».

V

Эта речь, каждое слово которой было тщательнейшим образом продумано, подействовала на Жака именно так, как рассчитывала Мари Будон. Буквально за несколько секунд крестьянин словно преобразился, самолюбие и гордость вернули ему былую энергию, взгляд его сделался полным страсти и мрачной решимости, что придало его лицу некоторое величие. Служанка добралась до самых глубин его души, она поняла ее, но решила нанести последний удар, чтобы уничтожить все остатки совести, которая могла еще робко сопротивляться.

– Ах! – вскрикнула она. – Если бы я была женщиной, если бы какая-нибудь знатная дама удостоила обратить на меня свой взор и если бы из простого мужика я могла сделаться одним из самых богатых и влиятельных людей в краю, где меня когда-то видели свинопасом!.. О, клянусь, тогда от моего сердца и от моей руки можно было бы требовать всего – да, всего!

Воодушевившись услышанными словами, Жак хотел ответить, но Мари Будон сделала вид, будто этого не замечает, и, вдруг переменив тон, продолжала тихим и убедительным голосом:

– Вы помните, как однажды вечером после ужина у господина Марселанжа возникла сильная боль в желудке?

– Да, когда он съел яичницу, в которую примешали по ошибке немножко мха.

– По крайней мере, так говорили тогда.

– Ну?..

– Ну так это был не мох, а белый порошок...

– А! Помню... Подозревали, кажется, Арзака...

– Арзак не согласился, Арзак мокрая курица, он трус, как и все мужчины. За это взялась женщина, простая служанка, движимая только преданностью своим господам и не надеявшаяся получить в награду ни большого состояния, ни богатого поместья, ни блистательного супружества.

– Вы, Мари?

Мари Будон ответила энергическим кивком головы. Наступило долгое молчание, потом Жак вдруг вскрикнул:

– Нет, я не могу в это поверить! Чем больше я об этом думаю, тем больше мне кажется невозможным, чтобы госпожа Марселанж сделалась женою крестьянина, человека... который пас свиней в ее поместье!

– А если бы вам сказали, что госпожа Теодора любит вас?

– Я ответил бы вам, что это невозможно.

– А если бы вам представили доказательства?

– Я не поверил бы никаким доказательствам.

– Даже если бы...

Мари Будон наклонилась к больному и шепнула ему на ухо окончание фразы. Несмотря на свою слабость, Жак вскочил. Кровь прилила к его лицу с такой силой, что служанка испугалась.

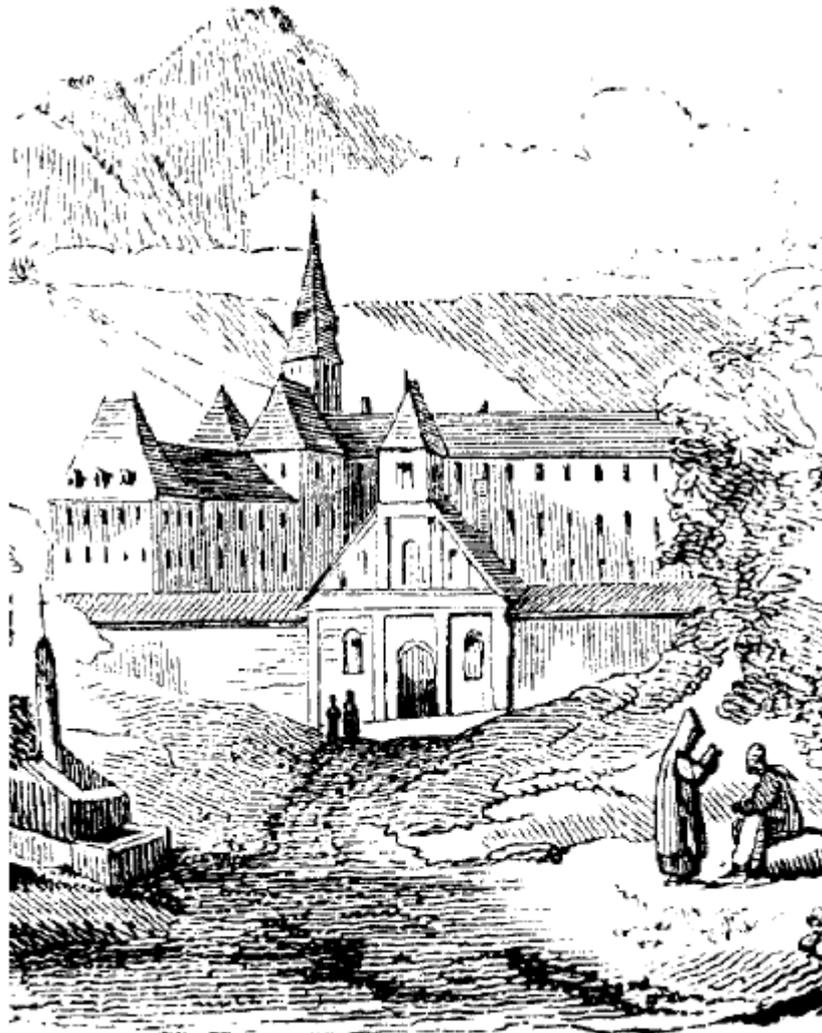
– Жак!.. – воскликнула она.

– Ничего, – перебил тот, – это удивление, волнение... я был так далеко от... Нет-нет, вы ошибаетесь.

– А если я не ошибаюсь? – возразила Мари Будон, устремив на Жака вопросительный взгляд. – Если... если сегодня же вечером, меньше чем через час...

– О! Тогда... Мари, будь я при смерти, я пошел бы в Шамбла, если бы даже мне пришлось для этого умереть, клянусь вам...

– Довольно, – сказала служанка.

Она встала, бросила на больного такой взгляд, от которого тот задрожал, потом вышла из комнаты, оставив дверь приоткрытой, и медленно спустилась по лестнице. Мари Будон направилась в комнату графини ла Рош-Негли, где, несмотря на поздний час, находились мать и дочь.

На соборной колокольне пробило одиннадцать часов, а дамы каждый вечер расходились по своим спальням в десять вечера, самое позднее – в четверть одиннадцатого. Сидя в нескольких шагах друг от друга, неподвижные как статуи, они после ухода аббатов не обмолвились ни единым словом. Когда открылась дверь, они сразу повернулись к ней. Графиня сгорала от нетерпения, на щеках ее пылал румянец, а глаза горели решительностью. Госпожа Марселанж сидела бледная, с несколько безумным взглядом, руки ее дрожали. Мари Будон вошла и заперла за собой дверь. Последовал долгий разговор. Три женщины говорили тихо, почти шепотом, словно боялись собственных слов. Потом Мари Будон вышла и вернулась в свою комнату. Пять минут спустя госпожа Марселанж оставила графиню одну; через несколько минут в доме погасли все огни.

На другой день, 30 августа, в полдень Жером Пюжен, сосед графинь де Шамбла, разговаривал у дверей со своей женой и Пьером Бори, портным. Вдруг они увидели, как из дома графинь де Шамбла вышел бледный, изнуренный человек и стал медленно прохаживаться по солнечной стороне улицы, с трудом переставляя ноги.

– Здравствуйте, господин Жак, – приветствовал его Жером Пюжен. – Что и говорить, болезнь вас порядком потрепала.

– До такой степени, – отозвался Жак, – что у меня от оспы кожа сошла с ног, и при каждом шаге мне кажется, что я хожу по горячим углям.

– Так вы послезавтра, первого сентября, не будете открывать охоту?

– Зайцы и куропатки могут спать спокойно, – ответил Жак Бессон. – Пройдет целый месяц, прежде чем я смогу отправиться в деревню. Мне даже сюда было трудно выйти погулять на солнце, и если бы доктор не велел...

– Жаль, близ Шамбла много дичи, а вы так хорошо стреляете.

– О! – сказал Жак. – Отсюда до Шамбла больше трех миль, если бы мне посулили золотые горы, я бы и полпути дотуда не одолел.

Потом, поклонившись супругам Пюжен, Жак опять стал прохаживаться на солнце, ковыляя вдоль домов и часто останавливаясь как бы от истощения после нескольких шагов.

– Что это за человек? – спросил Пьер Бори Жерома Пюжена.

– Жак Бессон, доверенное лицо графинь де Шамбла.

– Мне не нравится его физиономия, – сказала Виктория Пюжен.

– Ба! Возможно, он все-таки хороший человек.

– Как бы то ни было, – прибавил портной, – мне не хотелось бы встретить его в лесу.

– Во всяком случае, – возразил Пюжен, – его нечего опасаться в таком положении.

– Ты так думаешь? – удивилась его жена. – А я сейчас повнимательней посмотрела на него и побилась бы о заклад, что он не так уж и болен.

– А зачем ему притворяться?

– Кто знает? Может быть, для того, чтобы за ним ухаживали эти дамы, которые окружили его заботой и вниманием, ни дать ни взять как брата.

– Пустое! Бабы сплетни! – сказал Жером Пюжен.

– Да неужели? А прогулки в саду Шамбла, где все видели, как Жак Бессон вел под руку обеих дам, как он разговаривал шепотом с госпожой Марселанж, между тем как графиня уходила на двести шагов вперед? Это что, тоже сплетни?

– Пойдемте в дом, – вдруг засуетился Жером Пюжен. – Неблагоразумно разговаривать о подобных вещах на улице: графини де Шамбла очень могущественны и... словом, я предпочел бы иметь дело с десятью Жаками Бессонами, чем с одной графиней ла Рош-Негли.

В восемь часов вечера, когда уже стемнело, какой-то человек проскользнул как тень мимо домов, остановился у особняка графини де Шамбла и постучал в дверь два раза, но так тихо, что казалось, что стук едва смогут услышать изнутри. Однако дверь тотчас же бесшумно отворилась, и тень проскользнула в переднюю. Этой тенью был Арзак. Закрыв за ним дверь, Мари Будон провела его в маленькую гостиную, где обычно сидели дамы.

Жак Бессон сидел между ними в большом кресле перед камином. Госпожа Марселанж подавала ему чашку с тизаной. При появлении Арзака госпожа Марселанж, которая сидела, наклонившись к Жаку, вдруг вскочила и отодвинула кресло. Но графиня, всегда умевшая владеть собой, воспользовалась этим обстоятельством, вместо того чтобы смутиться, как ее дочь.

– Ну, Арзак, – сказала она ему, указывая на госпожу Марселанж, которая все еще держала чашку в руке, – вы видите, вот это графини де Шамбла, которых представляют такими надменными и суровыми по отношению к своим слугам.

– О! – протянул пастух с тем двусмысленным простодушием, которое придавало всем его словам загадочный смысл. – Для меня вовсе не открытие, что эти дамы всегда были добры к Жаку.

Графиня устремила на Арзака пронизывающий взгляд, но молодой крестьянин противопоставил неудовольствию знатной дамы спокойствие и хладнокровие.

– Я добра и к Жаку, и к другим моим служителям, когда мне известны их верность и преданность, – возразила она после некоторого молчания и тотчас добавила: – Мари, подай мне эту бутылку и стакан.

Служанка повиновалась. Графиня налила в стакан вина и подала его Арзаку. Тот взял его, несколько смутившись, потом вытер рот рукавом своего камзола и разом опорожнил стакан, после чего почтительно возвратил его графине, которая приняла его обратно, по видимому, несколько не оскорбившись этим странным поступком.

– Ну, принес ли ты нам новости? – спросила Мари Будон, догадываясь о том, что по каким-то причинам дамы не хотят сами расспрашивать Арзака.

– Новости-то я принес, – ответил крестьянин.

– Ага! – сказала графиня, слегка нахмурив брови.

– Ну, говори, что такое случилось? Что ты нам скажешь? – с нетерпением продолжала служанка.

– Я знаю, зачем господин Марселанж уезжает из Шамбла.

– Говори же скорее.

– Потерпите немножко, – спокойно возразил Арзак. – Вы знаете мою хижину, ваше сиятельство, мою маленькую хижину на колесах, где я ночую в поле среди своего стада?

– Да, конечно, знаю, – ответила графиня. – Что дальше?

– Сегодня в шесть часов, когда еще было совсем светло, я издали увидел господина Марселанжа с каким-то человеком, которого не знаю. Они должны были пройти мимо моей хижины; мне тотчас пришло в голову запереться там, и вы убедитесь, что чутье не обмануло меня. Через несколько минут они остановились возле моей хижины, не подозревая, что в такое время там кто-нибудь есть, и принялись разговаривать так свободно, как будто находились в замке Шамбла.

– Ты что-нибудь слышал? – с живостью спросила графиня.

– Благодаря щели в досках моей хижины, щели, оказавшей мне уже немало полезных услуг, я видел их и слышал, как будто мы все трое разговаривали у камина.

– Как выглядел господин Марселанж?

– Печально и мрачно.

– О чем он говорил?

– О своем скором отъезде в Мулен и об аренде Шамбла. И от того и от другого нотариус его отговаривал, потому что я скоро понял, что второй-то и был нотариус.

– Гранжон, может быть? – спросила графиня.

– Именно. Итак, нотариус говорил господину Марселанжу, что зря он уезжает из Шамбла, если только на это у него нет веских причин. Я передаю вам их разговор в точности как слышал, графиня, – прервал сам себя Арзак.

– Я не сомневаюсь, Арзак, продолжай.

– Ну да, у меня есть веские причины для отъезда, – ответил господин Марселанж. – Настолько веские, что не решился сообщить их вам у себя, поскольку я опасаясь, что кто-то из слуг шпионит за мной – некоторые ведь подкуплены графиней. И я привел вас сюда, в поле, где я, по крайней мере, уверен, что никто не услышит нашего разговора. Можете себе представить, как я обрадовался, – прибавил Арзак. – Я затаил дыхание и не шевелился, как сурок в своей норе.

– Дальше! – прошептала графиня отрывистым и нетерпеливым голосом.

– Господин Марселанж закрыл глаза рукой и стоял так несколько минут, не говоря ни слова, потом приподнял голову и продолжал:

– Я уезжаю отсюда, господин Гранжон, потому что боюсь двух женщин.

– Двух женщин! – вскрикнул нотариус с удивленным видом. – О боже мой! Чего же вы можете бояться со стороны двух женщин?

– Гранжон, – продолжал господин Марселанж, понизив голос и смотря нотариусу прямо в глаза, – эти две женщины – графиня ла Рош-Негли и ее дочь, и если вы их знаете, особенно если знаете графиню, вы поймете мой страх.

– Он так и сказал?! – гневно вскрикнула графиня.

– Чего же вы можете опасаться со стороны графини? – удивился нотариус.

Мне показалось, что господин Марселанж не решался говорить, но это продолжалось недолго.

– Я не стану ничего от вас скрывать, вы узнаете все, – произнес он. – Уже несколько месяцев меня повсюду и ежечасно преследует предчувствие, которое не дает мне спать по ночам. Это предчувствие скорой насильственной смерти.

– Убийства? – вскрикнул нотариус.

– Да, – признался господин Марселанж. – Я вижу повсюду и ежечасно, днем и ночью, нож или ружье убийцы, направленные мне в грудь; вот почему я хочу уехать отсюда через три дня, я ни за что не останусь здесь, даже если мне придется лишиться поместья Шамбла.

– Но какие у вас основания полагать, – удивился нотариус, – что женщина, графиня ла Рош-Негли...

– О! – перебил его господин Марселанж. – У графини есть двое преданных псов, которые по одному ее знаку способны на все: это ее слуги Мари Будон и Жак Бессон.

Мари Будон пожала плечами, но лицо Жака Бессона слегка помрачнело, и этот почти неприметный нюанс не ускользнул от внимания графини, которая следила за реакцией Жака на рассказ Арзака.

– Дальше! – холодно приказала она.

– Впрочем, – продолжал господин Марселанж, – это предчувствие настолько сильно преследовало меня и я так твердо был уверен в своей скорой и неизбежной смерти, что не колеблясь назвал им имена людей, на которых они должны донести, если убийство все-таки совершится.

Арзак умолк, и воцарилось тягостное молчание. Каждый из присутствовавших по-своему отреагировал на услышанное. Госпожа Теодора сидела бледная как полотно, по-видимому, не в состоянии о чем-либо думать. Лицо графини хранило гордое и презрительное выражение, однако она украдкой бросала тревожные взгляды на Жака Бессона, который старался казаться спокойным и бесстрастным, хотя дрожание уголков губ говорило о том, что он сильно взволнован. Что же касается Арзака и Мари Будон, то на их лицах читалось лишь полное равнодушие, к которому у Мари примешивались непоколебимая смелость и глубокое презрение к опасности.

– Это все? – спросил наконец Жак Бессон как ни в чем не бывало.

– Почти, – беззаботно ответил пастух.

– Что же еще сказал господин Марселанж? – поинтересовалась графиня.

– Он сказал нотариусу, пожав ему руку, что не может выразить словами, как он рад уехать из Шамбла, кровли и башни которого с некоторых пор приняли в его глазах зловещий вид большой гробницы. Потом они оба ушли по дороге к замку.

После довольно долгой паузы графиня обернулась к Жаку Бессону и спросила его, придав каждому своему слову особую выразительность:

– Что вы скажете об этих предчувствиях и об этом рассказе?

Жак побледнел, однако отвечал, глядя на графиню и делая ударение на каждом слове:

– Если ваше сиятельство мне доверяют, то должны быть уверены в том, что это меня несколько не тревожит, и вас это также тревожить не должно. Я прошу у вас позволения пройти с Арзаком в мою комнату и поговорить с ним с глазу на глаз.

По знаку графини Жак Бессон и Арзак вышли и беседовали больше часа.

VI

Через день после описанных событий два человека разговаривали на мосту Шартрез. Это были какой-то крестьянин и портной Пьер Бори, который три дня назад останавливался у дверей супругов Пюжен, соседей Шамбла. Хотя на дворе стоял август, было прохладно и дул сильный ветер, поднимавший на мосту и на дороге вихри пыли.

– Господи боже мой! – вскрикнул вдруг крестьянин, вздрогнув от холода. – Точно осень!

– Скорее зима, – возразил портной, красный нос которого живо реагировал на суровость погоды.

– Я не прочь пострелять дичь, – признался крестьянин, – и рассчитывал провести добрую часть ночи на охоте, но надо быть врагом самому себе, чтобы отправиться в лес в такую погоду. А вот кто-то похрабрее меня: идет на охоту, – добавил он, указывая Пьеру Бори на человека, который появился на другом конце моста.

– А вы откуда знаете? – спросил портной.

– Нетрудно догадаться: он несет ружье и идет за час до темноты.

– Он отправляется охотиться в лесу Шамбла, это верно; там дичи пропасть, ему что-нибудь наверняка достанется.

– Возможно, – согласился крестьянин. – Но может быть, ему достанется то, чего он не ожидает, то есть воспаление в груди.

– Тем более что он не очень крепкого сложения. Посмотрите, он едва держится на ногах, словно шатается от ветра.

– Да и одет-то не по погоде, в одной рубашке в такой холод! Однако эта рубашка и штаны оливкового бархата кажутся мне знакомыми, – тут же прибавил он.

– Не знаю, узнал ли и вас этот человек, – заметил Пьер Бори, – но он наверняка вас избегает.

Действительно, с умыслом или случайно, но человек, шедший по мосту, вдруг изменил направление, надвинул шляпу на глаза и наклонил голову, как бы желая защититься от холодного ветра. Черты его лица стали почти неразличимы. Он ускорил шаг, не смотря ни направо, ни налево, и уже совсем было перешел мост, когда крестьянин окликнул его.

– Здравствуйте, Жак! – закричал ему крестьянин. – Куда это вы идете?

Жак Бессон вдруг остановился как вкопанный и оставался несколько мгновений неподвижен, очевидно не решаясь ответить на приветствие крестьянина, потом вдруг снова пошел вперед, ответив на ходу:

– Я иду в Фэ.

Но ему никак не удавалось отвязаться от упрямого крестьянина, потому что тот тотчас прокричал:

– Эй, Жак, не хотите ли табачку?

Жак Бессон опять остановился, лицо его исказилось гримасой злобы, молния сверкнула из его черных глаз, а рука яростно сжала дуло ружья, но у него хватило сил совладать с собой. Он с самым равнодушным видом подошел к тому, кого хотел бы растоптать. Раскрыв свою табакерку, крестьянин по-дружески предложил ее Жаку Бессону, не отказавшемуся от щепотки табака.

– А я вас сразу-то и не узнал, – продолжал крестьянин, закрывая свою табакерку. – Вы так быстро шли.

Жак не ответил, он дрожал от гнева и нетерпения. Он злился и оттого, что его узнали, и оттого, что он опаздывал. Но крестьянин не заметил этой тщательно скрываемой ярости и невозмутимо спросил:

– Ну, теперь вам лучше?

– Да, немножко лучше, – ответил Жак. – Но я все еще очень слаб.

Повернувшись спиной к крестьянину, он стал удаляться от моста.

– Если он идет в Фэ и вернется сегодня в Пюи, – заметил тогда крестьянин, – вот тут уж можно сказать, что это чудеса: ведь он так бледен и слаб!

В это время Жак Бессон шел быстрыми шагами.

– Дурак! – в бешенстве бормотал он. – Надо же ему было попасться мне сегодня на пути! А того человека, который стоял с ним на мосту, я где-то видел, – добавил он немного погодя с растущим беспокойством.

Жак подумал еще несколько минут, но так и не смог вспомнить, где же он его встречал. После получаса ходьбы Бессон вошел в темный лес, дубовый и сосновый, с живописными пригорками и оврагами, среди которых извивалась узкая, неровная тропинка, то и дело теряясь в окаймлявшем ее густом терновнике. Однако путник уверенно шел по этой почти невидимой тропке, словно по большой дороге. Было ясно, что он часто ходит тут и что этот лес ему знаком, как улицы Пюи.

Через два часа он остановился у оврага и присел отдохнуть. Гигантские сосны со всех сторон обступали его, так что овраг, на склоне которого он сидел, казался непроходимой бездной. Лунный свет, падавший на верхушки деревьев, придавал окружающему Жака пейзажу еще более зловещий вид. Этот неподвижный, безмолвный и черный лес, такой темный, что Бессон не мог даже рассмотреть траву под ногами, напомнил ему фантастические образы ада и чистилища и вдруг вернул его на тридцать лет назад. Как и тогда, он задрожал при одной только мысли о вечности, полной мук и невыносимых страданий.

– Убийца! – воскликнул он.

Потом он вдруг умолк, словно испугавшись звука своего голоса, как будто бы в ушах его прозвучали трубы Страшного суда. Жак встал и продолжил свой путь. Вскоре перед ним появились большие прогалины, потом равнина, за которой виднелись верхушки башен Шамбла.

– Наконец-то! – выдохнул Бессон.

Вытерев лоб, по которому струился пот, преодолевая усталость, он направился к небольшому лесу, что находился по соседству с Шамбла. Но в ту же минуту он вдруг заметил словно выросшую из земли тень. Она несколько секунд пристально на него смотрела, а потом шагнула ему навстречу. Пораженный Жак сразу узнал в этом человеке крестьянина Клода Рейно, собиравшего в поле картофель.

– Вот еще один меня увидел! – сказал он глухим голосом.

Когда Клод Рейно подходил к нему, Жак, подняв с земли камень, бросил его в заросли, как бы спугивая дичь, и быстро скрылся в лесу.

– Если я не ошибаюсь, – пробормотал оторопевший от удивления крестьянин, – это Жак Бессон... О! Это надо проверить.

Он тоже вошел в лес и через пять минут остановился на краю ручья, спрятавшись за ствол огромной сосны.

– Если это Жак Бессон и если он идет в Шамбла, – решил крестьянин, – то он обязательно пройдет здесь.

Рейно прятался в своем укрытии около двух минут, когда послышался треск сучьев и из леса вышел человек. Он направился к ручью, перескочил через него и стал влезать на откос противоположного берега. Добравшись до вершины, человек обернулся, потом осмотрелся по сторонам, внимательно прислушался и снова исчез в лесу.

– Я не ошибся, – сказал сам себе Клод Рейно. – Это действительно Жак Бессон. Но зачем он так поздно идет в Шамбла и почему свернул с дороги, когда я захотел подойти к нему?

Теряясь в догадках, он пошел к своему дому. Чтобы дойти побыстрее, Жак Бессон пошел через лес, а не по тропинке. Вдруг лицом к лицу он столкнулся с еще одним крестьянином. Его он также знал: это был Матье Рейно, родственник Клода.

«Как будто какое-то проклятие меня преследует!» – подумал Жак, опрометью бросившись в лес и надеясь на то, что на этот раз его не узнали. Он ошибался. Матье Рейно заметил его рубаху, панталоны, ружье, распухшие губы и зловещий взгляд. Жак бешено закричал, топая ногами:

– Это все, наконец?!!

Но это было еще не все. Через несколько минут из леса вышла женщина, в которой он узнал Изабеллу Делень – жену Тариса из Комбриоля. До крайности раздраженный своим невезением, Бессон чуть было не выстрелил в нее. Но она не оборачиваясь прошла мимо, должно быть, не заметив его; Жак успокоился и продолжал путь. Он остановился посреди уже убранного поля, поднес руку к губам и два раза свистнул. Ответа не последовало.

Тогда он свистнул снова, на этот раз громче и продолжительнее. Жак внимательно прислушивался несколько минут и хотел свистнуть еще раз, когда кто-то схватил его за руку.

– Хватит шуметь-то, – прошептал чей-то голос. – Или вы хотите всю округу разбудить?

– А, это ты, Арзак, а я не мог найти твоей хижинки.

– Она позади вас.

– Ты по-прежнему готов?

– Это от многого зависит.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросил Жак мрачным голосом.

– Я играю в большую игру.

– Берегись, Арзак! Теперь, когда тебе известно все, надо идти вместе со мной. Если же я заподозрю измену, а ты меня хорошо знаешь...

– Я знаю вас настолько, что обманывать вас себе дороже встанет, но...

– Говори, что ты хочешь сказать.

– Я хочу сказать, что мне много всего наобещали, а я еще ничего не видел и ничего не получил. Не то чтобы я не доверял дамам – о, напротив, однако...

– Довольно! – перебил Жак. – Протяни-ка руку, – отрывисто продолжил он.

– Вот моя рука, добрый господин Жак, – сказал Арзак голосом, дрожавшим от волнения.

– Возьми.

Он положил ему в руку пять монет.

– Это что такое? – с беспокойством спросил пастух.

– Пять золотых монет.

– По двадцать франков каждая?

– Именно так.

– Это же сто франков! – вскрикнул Арзак. – Куда бы мне их спрятать?

– Это твое дело. Пойдем.

Они двинулись вперед, держась друг за друга и ступая очень осторожно, потому что луна скрылась за тучами и воцарилась тьма. Их можно было бы принять за два призрака, если бы время от времени тишину не нарушал звенящий звук. Это Арзак ощупывал свои золотые монеты и брэнчал ими в кармане, откуда он не вынимал руки с той минуты, как в нем оказалось сокровище. Он был всецело поглощен мыслями о свалившемся на него богатстве и очень смутно представлял себе, для чего шел теперь в Шамбла вместе с Жаком Бессоном.

– Я вижу огни, там, за деревьями, – сказал наконец тот.

– Это Шамбла, – спокойно ответил Арзак.

Через несколько минут они очутились перед широкой и величественной аллеей из каштановых деревьев, в конце которой на фоне серого неба чернел силуэт дома с остроконеч-

ными верхушками башен. Через широкое и высокое окно первого этажа они увидели семь или восемь человек, сидевших за столом и живописно освещенных двумя свечами и огнем очага.

– Вот мы и пришли, это хорошо, – прошептал Жак. – Осталось самое трудное.

– А что вы называете самым трудным? – спросил Арзак.

Бессон хотел ответить, но в эту минуту ветер подул с такой силой, что ветви каштанов затрещали.

– Эта проклятая погода поломала все мои планы. Я знаю, что Марселанж каждый вечер с восьми до девяти часов гуляет около Шамбла, всегда один, он даже не берет с собой своих любимых собак Блэка и Финету. Но из-за холода и ветра он остался в замке. Что же делать? Как до него добраться? Надо бы как-то выманить его на улицу одного, но...

– Но это просто невозможно, – закончил Арзак своим тонким голосом.

– Что же нам тогда делать?

– Оставить его в покое и вернуться в Пюи.

– Вернуться, не покончив с ним?! – яростно пробормотал Жак. – Я скорее пойду и задушу его на глазах у прислуги.

Наступило минутное молчание.

– Вы ничего не придумали? – спросил Арзак.

– Ничего.

– Вы храбры и решительны, Жак, – продолжал пастух с оттенком иронии в голосе, – но вы не находчивы. А вот у меня есть план.

– Ну, говори.

– Поскольку Марселанж не выходит к нам, нам надо пойти к нему.

– Это легко сказать, но каким образом?

– Нет ничего проще: мы войдем во двор, где наверняка в этот час и в такую погоду никого не встретим, подкрадемся к кухне, и тогда... тогда он окажется у вас под прицелом... остальное – ваше дело.

– А собаки? – возразил Жак.

– Блэк и Финета вечно лежат в кухне у ног своего хозяина.

– Знаю. Мы часто охотились вместе, они меня признают, но вот Юпитер?

– Сторожевая собака? Разве она вас не знает?

– Днем и на цепи – да, но ночью и на свободе Юпитер никого не желает знать.

– Вы в этом уверены?

– Твердо уверен – сам Марселанж не посмеет выйти ночью, когда Юпитер спущен с цепи.

– Марселанж – может быть, но я знаю кое-кого... Словом, пойдете.

– Он тебя разорвет.

– Это мое дело, пойдете.

– Но...

– Вы что, боитесь?

Эти слова заставили Жака решиться.

– Пойдем! – сказал он.

Минуту спустя они прошли за ограду замка. Арзак шел впереди. Через несколько мгновений они услышали глухое рычание.

– Это Юпитер, – проговорил Арзак. – Славная собака, великолепный бульдог, но она может разорвать человека, как крыло куропатки. Где же он, черт побери?

– Справа. Посмотри, его глаза сверкают в темноте, как два раскаленных угля.

– А! Он нас узнал и идет к нам.

Собака действительно подошла. Но Жак чувствовал, что она ходит и обнюхивает его, недовольно ворча.

– Я и сам не знаю почему, – сказал он, – но Юпитер никогда не проявлял ко мне большого расположения.

Он наклонился, чтобы погладить собаку, но та отскочила, устремила на него свои сверкающие глаза, и по ее хриплому продолжительному рычанию Жак понял, что она вот-вот бросится.

– Хватит, Юпитер, пойдя сюда и не злись, – сказал Арзак собаке.

Та тотчас замолчала и положила свою огромную голову на руки пастуха.

– Вы видите, – сказал он. – Я могу делать с ней все, что хочу.

– Каким же образом ты смог приручить эту собаку?

– Да мы старые знакомые. Летом, когда ночью холодно и мне нужен кто-то, чтобы согреться, я, бывает, свистну, он перескочит через ограду, и мы вместе греемся всю ночь.

– Так ты берешься удерживать его?

– Что мне с ним делать? Скажите.

– Уведи его подальше от замка.

– А потом?

– Я только об этом тебя прошу, а насчет остального – так я сам справлюсь.

– Понимаю. Я оставлю вас одного.

– Хорошо.

– Прощайте, Жак, – сказал Арзак. – Удачи.

Он свистнул Юпитеру и ушел. Собака весело побежала за ним.

Огромная кухня в Шамбла являла собой совершенно патриархальную картину: вокруг массивного дубового стола сидели и ужинали восемь слуг. Ели они со здоровым аппетитом, свойственным крестьянам. Марселанж каждый вечер сидел там же, у камина, повернувшись спиной к большому окну, выходившему во двор.

Это был человек несколько выше среднего роста, его правильное, но несколько вялое бледное лицо выражало безграничную доброту. На нем лежала печать глубокой грусти, что свидетельствовало о переживаемых им душевных страданиях. Со своим любящим и покладистым характером он стремился к спокойной и размеренной семейной жизни в ладу и согласии с нежной любящей супругой, а вместо этого получил изнурительную непрерывную борьбу с надменной, упрямой и коварной графиней ла Рош-Негли и ее дочерью. Эту теплую и чистую семейную атмосферу, которой, как ему казалось, он лишился навсегда, господин Марселанж надеялся вновь обрести в Мулене, где его с нетерпением ждали любимые брат и сестра, господин Тюрши де Марселанж и госпожа Тарад.

В Мулен он должен был отправиться следующим утром. Всего несколько часов отделяли его от встречи с братом и сестрой, с которыми он надеялся никогда больше не расставаться, и если в эту минуту его бледное лицо озарилось радостью, то оттого, что он мысленно предвкушал эту столь долгожданную встречу. Его ждали к завтраку, и легко понять, как после стольких лет одиночества и страданий, после разрыва с женой и смерти детей он ждал той минуты, когда сядет за стол с братом и сестрой, окруженный заботой и любовью. От этих мыслей обычно печальное и мрачное лицо Марселанжа сделалось светлым и радостным. Все слуги заметили это и тотчас же принялись перешептываться. Заметив это, Марселанж встал и произнес дружески покровительственным тоном:

– Ну, что с вами сегодня? – спросил он. – Что значат эта печаль и эти разговоры шепотом? Разве вы не знаете, что если я каждый вечер присутствую при вашем ужине, то это для того, чтобы оказаться среди честных и добродушных людей, а не для того, чтобы каким-то образом вас стеснять?

– Мы очень хорошо это знаем, мсье, – ответила Жанна Шабрие, кухарка, дородная крестьянка с круглыми румяными щеками. – Но сегодня, видите ли, веселость-то пропала, да и аппетит вместе с ней.

– Это почему же, Жанна? – удивленно спросил Марселанж. – Что со всеми вами случилось?

– С нами случилось... самое худшее, потому что вы покидаете нас.

– Бедные люди! – прошептал Марселанж взволнованным голосом и бросил растроганный взгляд на своих слуг, которые действительно казались расстроенными.

Эти люди и впрямь были искренне привязаны к своему господину, но крестьянин, особенно в бедном краю, никогда не поступится своей выгодой, а они как нельзя лучше понимали, что в случае его отъезда лишались очень многого. Как землевладелец-дворянин, Марселанж не обладал той жадностью и той отвратительной скаредностью, которые отличают французских фермеров, очень сурово обращающихся со своими работниками. На смену Марселанжу, при котором крестьянам жилось относительно легко, вполне мог прийти требовательный, расчетливый, скупой и, возможно, даже жестокий хозяин. Вот почему слуги Марселанжа были так огорчены его отъездом.

– Не печальтесь уж так, друзья мои, – продолжал Марселанж. – Отдавая Шамбла в аренду, я поставил условие, что вы все останетесь на службе у будущего хозяина.

– Это было большой милостью с вашей стороны, – ответил Пьер Сюшон, пахарь. – Но мы никогда не найдем такого хозяина, как вы, мы это знаем, и потому нам грустно.

– К счастью, нас утешает одно, – сказала Жанна Шабрие, совершенно бескорыстно привязанная к хозяину. – Здесь вам было очень одиноко, вы страдали и все время враждовали с дамами, а в Мулене, среди родных, рядом с братом и сестрой, которые вас так любят, вы оживете и снова сделаетесь спокойным и веселым. Мысль об этом станет нам отрадой, когда вы уедете.

– Притом, – ответил Марселанж, взгляд которого принял необыкновенную уверенность, – я же не навсегда прощаюсь с вами, о нет! И как-нибудь приеду повидаться с вами, и не раз.

– Вот и прекрасно! – вскрикнула Жанна, румяное лицо которой просияло от радости. – И приезжайте вместе с господином Тюрши де Марселанжем и госпожой Тарад, которые возвратят вам здоровье и счастье. То-то будет настоящий праздник в Шамбла!

– Здоровье и счастье, – сказал Марселанж взволнованным голосом. – Да, я думаю, что обрету их рядом с родней.

Он добавил, глядя на своих собак Блэка и Финету, которые спали у его ног:

– Да-да, мои добрые собаки, мы еще вернемся поохотиться в лесу Шамбла.

В эту минуту Блэк поднял голову, наострил уши, стал пристально смотреть за окно и прислушался.

– Бедный Блэк, – продолжал Марселанж. – Ему, наверно, во сне привиделась дичь, и он ищет ее.

Погладив собаку по голове, он добавил:

– Нет, Блэк, теперь не время гоняться за зайцем. Ложись-ка спать.

Блэк пристально посмотрел на хозяина, полизал ему руку, потом опять лег возле Финеты и тотчас заснул.

– Жанна, – обратился Марселанж к своей кухарке, – мне бы хотелось взять тебя в Мулен.

– В Мулен! – вскрикнула Жанна Шабрие, вытаращив глаза, как будто перед нею открылся рай. – А я только и мечтаю об этом с тех пор, как побывала в Пюи! Говорят, что в Мулене так хорошо! Но у господина Тюрши, должно быть, есть своя кухарка, и у госпожи Тарад тоже, и тогда...

– У госпожи Тарад только одна служанка, а ей нужны две, – возразил Марселанж. – И если сказать по правде, то мы уже говорили о тебе, когда она в последний раз приезжала сюда.

– В самом деле? Итак, я увижу Мулен и не расстанусь с вами! Возможно ли это, мсье? – изумилась Жанна, всплеснув руками.

– Не только возможно, но я даже могу обещать тебе, что это так и будет, – ответил Марселанж, улыбаясь своей кухарке.

В это мгновение за окном блеснула вспышка, раздался выстрел, стекло разлетелось вдребезги и Марселанж, пошатнувшись на стуле, рухнул лицом вниз. Ошеломленные этим выстрелом, слуги на секунду замерли в полной растерянности, потом бросились к своему господину, подняли его, положили на спину и поднесли свечу к его лицу. Его уже охватила мертвенная бледность, и кровь медленно струилась изо рта.

– Умер! – прошептал Пьер Сюшон.

Слуги переглянулись, испуганные, дрожащие и такие же бледные, как тело их господина.

– Убит! – закричала Жанна Шабрие и зарыдала.

Потом, обернувшись к слугам, которые стояли словно громом пораженные, она добавила, махнув рукой в сторону двора:

– Бегите же! Убийца там, его надо схватить! Бегите и приведите его сюда!

Три человека тотчас же бросились во двор.

– А ты, Лизона, – повернулась она к молодой крестьянке, – беги за доктором! Бедняжка умер! Негодяй стрелял метко, но все-таки беги, беги скорее!

Лизона выбежала наружу, а Жанна Шабрие, встав на колени возле убитого, лежавшего на полу, перекрестилась и стала шепотом читать молитвы.

VII

Трое слуг, выбежавших с фонарями на поиски стрелявшего, тщательно осмотрели весь огромный двор, окружавший замок Шамбла, но не нашли ни убийцы, ни каких-либо его следов.

– Вот что меня удивляет, – сказал вдруг Пьер Сюшон. – Как это Юпитер не залаял на этого незнакомца, если он в куски разорвет любого из нас, кто осмелится выйти во двор, когда он спущен с цепи?

– А ведь правда! – согласились двое других.

– И почему, – продолжал Сюшон, – мы до сих пор не увидели и не услышали Юпитера, хотя уже десять минут ходим по двору?

– Это действительно очень странно, – заметил слуга Пикар.

– Почем знать, может быть, бедную собаку отравили?

– Пойдем глянем на его конуру.

Все трое направились туда, где стояла конура Юпитера. Они очень удивились, когда увидели, что его конура пуста.

– Куда делся бедный Юпитер?! – вскрикнул Пикар.

– Я не знаю, – ответил Пьер Сюшон. – Но, должно быть, убийца нашего господина знает дом так же хорошо, как мы с вами, а может быть, и лучше нас.

– С чего это ты взял?

– Юпитер не лаял, да и Блэк и Финета, у которых такое тонкое чутье, спокойно лежали у ног мсье.

– Блэк что-то слышал, он наострил уши и посмотрел за окно.

– Да нет, он опять лег и не залаял: это доказывает, что он знает убийцу.

– Хорошо, хорошо, все это надо рассказать судьям, возможно, это наведет их на след.

Убедившись в тщетности своих поисков, все трое вернулись на кухню. Они увидели там доктора, который, осмотрев тело, сказал серьезным голосом:

– Бесполезно, он мертв.

– Что же нам делать? – спросила Жанна Шабрие.

– Прежде всего надо предупредить госпожу Шамбла, – ответил доктор. – Кто-нибудь из вас должен на рассвете отправиться в Пюи.

Крестьяне переглянулись с тревожным видом.

– Ну, – спросила Жанна Шабрие, прямо смотря им в глаза, – неужели вы не хотите уведомить об этом дам?

– Нет, – смущенно ответил Пьер Сюшон, – мы не отказываемся, но...

– Что такое? – спросила Жанна.

– Нам кажется, что лучше бы доложить об этом несчастье господину Берже, мэру Лардероля, который знает законы и наверняка подскажет, что нам следует делать.

– Они, возможно, и правы, – сказала Жанна, обратившись к доктору.

– Это, по крайней мере, самый разумный шаг, – согласился тот.

– Так я поеду завтра на рассвете к господину Берже, – с живостью произнес Пьер Сюшон, обрадовавшись, что уклонился от не сулившего ничего хорошего путешествия к дамам в Пюи.

VIII

Теперь давайте узнаем, что происходило в другом месте и куда пропал убийца Марселанжа. Вместо того чтобы убежать сразу после выстрела, Жак Бессон остался, чтобы убедиться в меткости выстрела. Его сердце было готово выпрыгнуть из груди, пот застилал глаза, однако он нашел в себе силы дождаться, когда его жертва рухнет на пол. Сразу после этого, добравшись до каштановой аллеи, которая вела к наружной ограде, он бросился в ту сторону и ринулся вперед, не разбирая дороги. Перепрыгнув через ограду, он вновь кинулся бежать, но его остановило глухое рычание.

Жак задрожал при одной мысли о грозном бульдоге, не потому, что боялся собаки, но скорее оттого, что она привлечет слуг своим лаем или, того хуже, бросившись на него, вырвет кусок его одежды и таким образом завладеет важной уликой. Решившись во что бы то ни стало избавиться от пса, он вынул из кармана острый нож и тихим голосом позвал Юпитера. Бессон не колеблясь зарезал бы его, если бы тот вздумал напасть. Собака зарычала так страшно, что Жак, подумав, что она вот-вот прыгнет на него, занес нож. Однако в следующий миг Бессон услышал знакомый голос. Это был Арзак.

– Ну что? – спросил тот, сгорая от любопытства.

– Мертв! – ответил Жак.

– Боже милостивый! – пролепетал Арзак, и зубы его застучали.

Он продолжил невнятным тоном, дрожа от страха:

– Вы уверены в том, что...

– Я уверен, что здесь нельзя оставаться ни минуты. Давай-ка уйдем отсюда поскорее.

– Куда вы хотите идти?

– Все равно куда, лишь бы подальше от замка.

– А собаку нам что, отпустить?

– Нет.

– Что же вы хотите с ней сделать?

– Я тебе потом скажу, возьми ее с собой.

Жак Бессон и Арзак пошли по полю в сопровождении Юпитера, которого пастух вел на цепи. Они шли так быстро, что через полчаса им пришлось остановиться, чтобы перевести дух.

– Отдохнем, – прохрипел Арзак. – И потом, мне стало не по себе, когда я узнал, что хозяин Шамбла...

– Довольно! – перебил Жак резким и повелительным тоном.

Он продолжал после некоторого молчания:

– Все, хватит отдыхать!

– Вы, наверно, сделаны из железа.

– Я создан из плоти и костей, и я прекрасно чувствую, как слабеют мои ноги.

– Тем более вам надо отдохнуть.

– Наоборот, надо бежать быстрее. Если я здесь застряну, меня прохватит холодом, слабость усилится, я рискую упасть без чувств, прежде чем доберусь до Пюи, и тогда... Ты понимаешь?

– Понимаю. Но у вас не хватит сил добраться до Пюи. Лучше послушайте меня, пойдемте переночуем у моей тетки Маргариты Морен.

– Чтобы она потом растрезвонила на всю округу, что Жак Бессон был в Шамбла вечером первого сентября?! Ты с ума сошел!

– Как хотите, а я пойду ночевать туда. В своей хижинке я заснуть не смогу. Но почему вы хотели, чтобы я увел с собой Юпитера?

– Ради собственной безопасности я хочу его убить, и я его убью.

– Бедный Юпитер! Он столько ночей согревал меня! Если бы я знал, то не взял бы его с собой.

– Стоит ли думать о собаке, когда речь идет о жизни двух человек?!

– Что вы такое говорите? – вдруг спросил Арзак. – Вы, кажется, сказали «двух человек», Жак?

– Конечно, ведь ты был со мной, ты держал собаку – словом, ты мой сообщник, и ты так же рискуешь головой, как и я.

– Святая Дева! – дрожа, пролепетал пастух. – Вы мне об этом не говорили, Жак.

– Ну, пора кончать с этим псом, – сказал Жак, вынимая нож, лезвие которого сверкнуло в темноте.

– Ну нет! – закричал Арзак, встав между Жаком и собакой, которая начала рычать. – Нет, вы не убьете Юпитера!

– Дурак! Или ты хочешь, чтобы нам свернули шею?

– Напротив.

Наступило минутное молчание, после чего Арзак продолжил:

– Как вы хотите убить собаку? Ножом? У вас останется кровь и на руках, и на одежде. Выстрелом из ружья? Его услышат, пойдут искать и найдут собаку там, откуда раздался выстрел. Дотошные судьи догадаются, что Юпитер, к которому ночью и подступиться-то нельзя, мог дойти до этого места только за людьми, которых он знал и которые часто приходили в Шамбла, и тогда... Вы понимаете, Жак?

После недолгих раздумий Жак Бессон спрятал нож в карман и сказал:

– Ты прав. Не сейчас, а как-нибудь потом.

– Скажите-ка, Жак, – продолжал Арзак, понизив голос, – если вдруг узнают... правду о выстреле, нам ведь нечего бояться, да? Дамы ведь нас защитят?

– Можешь положиться на них, как и я, – с уверенностью ответил Жак. – Что значат присяжные, судьи и все адвокаты на свете по сравнению с госпожами Шамбла, самыми богатыми, самыми знатными и самыми влиятельными дамами во всей округе? Ничего, решительно ничего. Вот о чем надо всегда помнить, и если бы ты попал в тюрьму и был вызван в суд, тебе не надо бояться того, что скажут судьи и председатель, потому что дамы защитят тебя.

– Я это знаю, – с такой же уверенностью в голосе произнес Арзак.

– А теперь, – велел ему Бессон, – отпусти Юпитера, возвращаясь в свою хижинку и спи спокойно. Я все предусмотрел. Все считают меня больным, прикованным к постели в Пюи и неспособным пройти и полмили. Совершенно невероятно, чтобы подозрения пали на меня и, следовательно, на тебя. И держи язык за зубами – ты болтун и хвостун. Подумай о том, что одно слово может погубить нас. Ладно, давай расходиться, а то у меня ноги болят, не знаю, как до Пюи-то доберусь... Прощай, приходи ко мне завтра и расскажи все, что делается в замке.

До Арзака донесся шум удаляющихся шагов. Оставшись один, он принялся гладить собаку, приговаривая:

– Мой бедный Юпитер! Как ты должен быть благодарен твоему другу Арзаку, но остерегайся, Жак Бессон решил тебя убить и рано или поздно... словом, остерегайся.

Лаская собаку, он заметил, что цепь блестит в темноте, как серебро. Он вспомнил, что всегда мечтал завладеть ей. Видя, что представился прекрасный случай присвоить ее, он отвязал цепь от ошейника и сунул ее в широкий карман своих панталон. По-дружески похлопав Юпитера по голове, он дал ему понять, что тот может вернуться в свою конуру. Собака об этом догадалась и тотчас умчалась как стрела.

– А теперь, – решил Арзак, – я пойду ночевать к тетке Морен.

Выбравшись из леса, он пошел прямо через поле и скоро остановился у дверей знакомой хижинки. Ему открыли, как только он постучал.

– Это ты, Андре? – спросила крестьянка лет сорока.

– Да, это я, тетушка Морен. Меня донимает лихорадка, и мне не хотелось ночевать в своей хижинке.

– И в самом деле, у тебя бледное и расстроенное лицо.

– Да-да, я чувствую себя неважно.

– Тогда иди ложись.

Случайно вынув руку из кармана, Арзак наполовину вытащил цепь Юпитера. Маргарита Морен обернулась, услышав этот шум.

– Что это что у тебя? – спросила она племянника.

Тот смутился, но, тотчас овладев с собой, ответил с равнодушным видом:

– Я это сейчас нашел в поле.

– Хорошо, хорошо, иди ложись, ты дрожишь от лихорадки.

Арзак лег спать, говоря себе: «Только бы Жак добрался до Пюи и не упал в лесу от бессилия». Как мы скоро увидим, опасался он не зря.

IX

Жак Бессон надеялся, что ноги его мало-помалу разойдутся при ходьбе, но едва он прошел полмили, как ему пришлось остановиться. Раны на ногах болели все сильнее, а тяжесть в них была такая, словно к каждой привязали по пушечному ядру. Он вконец обессилел и сел, прислонившись спиной к дереву, свесив руки и опустив голову на грудь. Он чувствовал, что не может идти дальше. Голова горела, перед глазами плыли красные круги.

В этом полубессознательном состоянии перед ним пронеслась вся его жизнь – от детства до нынешних дней, от жалких лохмотьев свинопаса до ослепительной, сверкающей мечты, для достижения которой оставалось сделать всего лишь шаг. И этот шаг он сделал, уничтожив последнее препятствие на пути к тому, чтобы стать мужем знатной дамы и владельцем Шамбла. А вдруг его почти осуществившаяся мечта исчезнет, а он без чувств упадет в этом лесу и проснется в тюрьме, а оттуда, возможно, попадет на... Его обуял такой гнев, что он силой воли преодолел усталость, вскочил на ноги и вновь отправился в путь такими быстрыми и легкими шагами, словно стал совершенно здоров.

Однако слабость после болезни давала о себе знать, он то и дело останавливался, жадно хватая ртом прохладный ночной воздух. Он протащился еще два смертельно томительных часа, наполненных отчаянием, болью, тоской и упорной борьбой с усталостью, от которой у него кружилась голова и ноги отказывались идти. Когда Жак входил в Пюи, во всех церквях пробили полночь. Через десять минут он наконец дошел до улицы, где жили графини де Шамбла. Все огни погасли, город, безмолвный и мрачный, походил на громадное кладбище. Эти запертые черные дома, эти пустые, угрюмые улицы, где всюду гулял холодный ветер, представляли собой довольно зловещую картину. Дойдя до дома графинь де Шамбла, Жак Бессон хотел было постучать, когда, к его чрезвычайному удивлению, дверь сама тихо отворилась, прежде чем он успел коснуться ее. С неистовой радостью, что он наконец добрался до цели, Бессон бросился в переднюю, сильно хлопнув дверью.

– Вы с ума сошли, Жак! – прошипела Мари Будон. – Или вы решили нас всех погубить? Вот уже три часа, как я жду вас за приоткрытой дверью, не смея пошевелиться, а вы с шумом возвестили всем соседям о своем приходе.

– Прошу прощения, я не хотел, – оторопел, ответил Жак. – Бьюсь об заклад, очень трудно угадать, какая именно дверь хлопнула.

– Дай-то Бог! Но все-таки это большая неосторожность.

Мари оказалась права, потому что этот шум услышали супруги Пюжен.

– Вот кто-то вернулся, – сказала Виктория Пюжен своему мужу.

– Кто бы это мог быть? – спросил Жером Пюжен.

– Это кто-то пришел к господам Шамбла, если я не ошибаюсь.

– Странно, графини де Шамбла всегда возвращаются домой и ложатся в половине одиннадцатого, так же как и аббат Карталь, который живет теперь у них.

– А я побилась бы об заклад, что это кто-то к ним пришел.

– Мы узнаем это завтра, – успокоил ее муж.

И супруги заснули, наутро надеясь все разузнать.

В это время Мари Будон, взяв Жака за руку, провела его в маленькую комнатку на первом этаже, выходящую во двор. Плотно закрытые ставни и занавески на окнах не пропускали наружу ни малейшего лучика света.

– Господи Иисусе Христе! Как вы бледны! – вскрикнула Мари Будон, рассматривая Жака при свете небольшой лампы.

– Я думал, что никогда сюда не дойду, – прохрипел Жак Бессон, падая на стул.

– Боже милосердый! На вас все изорвано с головы до ног, – продолжала служанка. – Где это вы бродили?

– По камням, терновнику, в зарослях, где, к счастью, не оставил лоскутов своей одежды.

– Но обувь-то почему у вас красная?

– У меня кровоточат ноги.

Мари Будон задрожала.

– Вам, наверно, очень больно, Жак, – растроганно произнесла она.

– О да! Очень больно, – прошептал он. – Сил нет терпеть.

Наступило молчание. Тонкий слух служанки уловил за дверь едва слышное дыхание.

– Ну и что же? – вдруг спросила она, устремив на Жака Бессона выжидающий взгляд.

– Ну... да, – прошептал Жак.

– Что значит – да? – продолжала Мари, ждавшая однозначного ответа не для себя, а для той, кто слушал за дверью.

– Ну, – сказал Жак голосом мрачным, но твердым, – в Шамбла нет больше хозяина.

Снова наступило продолжительное молчание. Признание произвело ошеломляющее впечатление и на того, кто его сделал, и на тех, кто его услышал. Справившись с охватившим ее волнением, Мари продолжала, но так, чтобы разговор слышала та, что стояла за дверью:

– Вы знаете, наверно, что...

– Я видел, как он зашатался на стуле и упал.

– А может быть, он только тяжело ранен?

– О нет! – возразил Жак со зловещей улыбкой. – Я знаю, куда целился, и могу даже показать, в какое место попала пуля. Ее найдут в сердце.

– Видите ли... ваша рука должна была дрожать.

– Весьма возможно, но в ту минуту и моя рука, и мой глаз были так тверды, будто я целился в зайца. Я готов поручиться своей головой...

На последней фразе он запнулся, но потом снова продолжил решительным тоном:

– Ну да, я готов ручаться своей головой, что он убит наповал. Все кончено!

Тогда Мари Будон повернула голову к двери, как будто чего-то ждала. Ее ожидание долго не продлилось: дверь открылась, и вошла графиня ла Рош-Негли. Лицо ее поначалу казалось бледным и испуганным, но она быстро совладала с собой, и вскоре на ее губах заиграла непринужденная улыбка. За дверью, закрывшейся за графиней, Мари Будон увидела складки белого пеньюара.

– А, это вы, мой бедный Жак, – сказала графиня самым обыденным тоном. – Откуда это вы так поздно?

– Но вашему сиятельству, должно быть, известно... – пролепетал изумленный Бессон.

– Я знаю только одно, – перебила графиня, – вы устали и вам нужно отдохнуть.

Жак Бессон смотрел на графиню с выражением глубокого удивления.

– Я слышала, как закрывали дверь с улицы, и очень даже шумно, – продолжала графиня, стараясь удержать улыбку на своих бледных губах. – Я боялась, не случилось ли несчастья, спешно встала и пришла сюда.

Она добавила, рассматривая Жака Бессона с головы до ног:

– Боже мой! Где это вы шли, что явились сюда в таком растрепанном виде?

Она обернулась к своей служанке.

– Мари, приготовь скорее чашку горячего вина нашему бедному Жаку: ты же видишь, что он падает от усталости и от голода.

Жак Бессон смотрел на графиню, удивленно разинув рот и стараясь понять, что же происходит. Мари Будон все очень хорошо понимала и нисколько не удивлялась. Это дипломатичное поведение знатной дамы, эта осторожность ханжи, которой все известно и которая

не хочет ничего знать, которая все видит и притворяется, будто не видит ничего, были ей давно знакомы. Она ушла готовить горячее вино для Жака. Тот в это время бросал на дверь печальные и тревожные взгляды.

– Разве госпожа Теодора не слышала стука двери? – удивилась графиня. – Пойди, Мари, скажи ей, сколько пришлось вынести нашему бедному Жаку, которого мы так любим.

Но прежде чем Мари успела сделать шаг, дверь открылась и вошла Теодора. Ее лицо было блее пеньюара, она шаталась на каждом шагу, и когда она хотела заговорить с Жаком Бессоном, зубы ее стучали с такой силой, что она не смогла произнести ни слова.

– У тебя сегодня лихорадка, Теодора, – сказала графиня. – Садись.

Она указала ей на кресло возле Жака Бессона. Госпожа Марселанж опустилась на кресло, вся дрожа, но не смея взглянуть на Жака.

– Мари, – продолжала графиня, – перевяжи ноги Жаку, которые, кажется, очень разболелись, и оберни их полотном, которое мы с дочерью нарежем.

Она вышла за полотном. После продолжительной паузы Жак решился заговорить с госпожой Марселанж.

– Вы как будто боитесь меня, – пролепетал он с волнением. – Однако вы знаете, что я... графиня сказала мне... или по крайней мере она дала мне понять как нельзя яснее, что для ее счастья, и особенно для вашего, необходимо, чтобы Шамбла... Словом, я думал, что сделаю хорошо именно вам...

– Довольно, Жак, довольно! – прошептала госпожа Марселанж. – У меня ужасно болит голова, я не могу ответить вам ни слова больше.

В эту минуту вернулась графиня со свертком полотна. Она бросила его на колени дочери, потом со свободным и непринужденным видом принялась нарезать полотно, расспрашивая Жака Бессона о его болезни и самочувствии, но не спрашивая о том, откуда он пришел и о причинах этой ночной прогулки. Когда вино было готово, графиня сама положила в него сахар и подала его Жаку, с которым оставалась вместе с дочерью до часа ночи. Потом они ушли, но до этого графиня подробно объяснила Мари Будон, как она должна перевязать ноги «бедному Жаку».

Х

После ухода госпожи Шамбла Жак Бессон несколько минут мрачно смотрел на дверь, куда они вышли.

– Ну что с вами? – резко спросила его Мари Будон. – Почему вы не пьете вино, оно же стынет.

Жак поднес чашку к губам, но тотчас поставил ее рядом с собой.

– Мне не хочется, Мари, – сказал он печально.

– Какая блажь взбрела вам в голову? – вскрикнула служанка, скрестив руки.

– Разве вы не заметили, что сейчас со мной проделала графиня?

– Что? Проделала? Что вы хотите этим сказать?

– Я хочу сказать, Мари, что графиня, окружив меня заботой и лаской, притворялась, как будто не знает, откуда я пришел и что случилось нынче ночью.

– Ну и что же?

– Ну, мне кажется, что это значит: «Я ничего знать не знаю и ведать не ведаю об этом деле, это касается тебя одного, выпутывайся как можешь, а на меня не надейся».

Мари Будон пожала плечами.

– Вы вовсе ничего не понимаете, – объяснила она. – Это происходит оттого, что вам неизвестно поведение знатных дам. Знатная дама может быть так же... решительна, как вы и я, но у нее, так сказать, деликатное воспитание. Она может совершить очень важный поступок, но ни говорить, ни слушать о нем не станет, когда она общается с лицом низкого звания. Ах! Напрасно вы хмурите брови, вы все-таки станете хозяином Шамбла, это верно. Но вы там еще не хозяин, и пока графине ла Рош-Негли неприлично становиться ровней или, уж говоря прямо, делаться сообщницей своего слуги.

– Однако...

– Однако... говорите что хотите, а это так! Тем хуже для вас, если вы этого не понимаете.

– Но кто мне поручится, что, подбив меня на это – ведь подбила-то меня она, – кто мне поручится, что потом она не бросит меня в трудную минуту?

– Бросит вас! – вскрикнула Мари Будон, вспыхнув от негодования. – За кого вы ее принимаете?

– Пусть так, я ошибся, вы знаете ее лучше меня, Мари. А как же госпожа Теодора?

– Ну что вы можете сказать против госпожи Теодоры?

– Я скажу, что после того, чем я рискнул ради нее и графини...

– И для себя самого.

– Ну хорошо, но все-таки она, видя меня бледного, разбитого и больного, не только не утешила меня ни одним добрым словом, но постоянно отворачивалась от меня, словно от ядовитой гадины.

– Не плясать же ей было от радости, не бросаться же к вам на шею благодарить! Хоть и не любишь своего мужа, но нельзя же к таким вещам относиться спокойно. Госпожа Теодора все-таки женщина, у нее сердце защемило при одной мысли о том, что там случилось. Это естественно, потому что и на меня это подействовало, хотя я вовсе не любила этого Марселанжа.

– Уж что бы вы ни говорили, Мари, а я очень боюсь и почти что раскаиваюсь.

– Мокрая курица! – прошипела служанка сквозь зубы и сухо продолжала: – Раскаиваетесь! Право, жалко мне вас! Или вы думаете, что свинопас может сделаться мужем знатной дамы, хозяином в Шамбла и ровней с самыми благородными и самыми богатыми людьми

в краю, ничем для этого не рискнув? Послушайте, у вас еще сумбур в голове; дайте-ка я перевяжу вам ноги, а потом ложитесь спать. Завтра вы сможете здраво мыслить и говорить.

Жак молча повинился. Несколько минут спустя Мари Будон, женщина крепкая и сильная, чуть ли не несла его до спальни, потому что он с трудом мог подняться по лестнице. Через четверть часа все уже спали, или, лучше сказать, улеглись в постели, потому что можно с уверенностью сказать, что никто из них, кроме разве что Мари Будон, всю ночь не сомкнул глаз. Наутро, едва рассвело, раздался сильный стук в дверь.

– Это за мной! – пролепетал Жак Бессон, задрожав от страха в своей постели. – Они подозревают, они все знают, может быть...

Он хотел встать и подбежать к окну, но тут же понял, что этим может выдать себя, и сел на постели, стуча зубами от страха. Та же мысль одновременно пришла в голову графине, ее дочери и Мари Будон, но дамы, конечно, и с места не сдвинулись, а открывать дверь пошла служанка. Уверенная в том, что увидит полицейского комиссара и жандармов, Мари собрала все свое мужество, чтобы не спасовать перед лицом врага. Открыв дверь, она увидела крестьянина с честным и открытым лицом.

– Здесь живут дамы? – спросил он, отряхивая в передней свою шляпу.

– О каких дамах вы говорите? – сердито ответила Мари Будон.

– Известно, о каких... все знают, какие тут дамы.

– Все, кроме меня, – удивилась служанка, стараясь выиграть время.

– Я говорю о дамах из Шамбла, если вам уж так хочется это знать.

– Да, здесь. Что вам от них нужно?

– Я хочу поговорить с ними.

– Лично?

– Ну да!

– Кто вас послал?

– Господин Берже.

– А кто такой этот Берже, что посылает вас к господам Шамбла в такую рань?

– Это лардерольский мэр, – ответил крестьянин, приосаниваясь.

– Разве он прислал вас сообщить что-нибудь очень срочное?

– Да-да, очень срочное.

– А можно узнать?..

– Да, узнать можно... но только дамам.

– Хорошо, ступайте на кухню, а я им доложу.

– Скажите дамам, что я Луи Ашар, бывший слуга в Шамбла.

Мари Будон поспешила к графине. Та лежала на кровати с гордым и самоуверенным видом. Госпожа Теодора сидела рядом с ней. Она так волновалась, что даже не старалась этого скрыть.

– Ну что? – холодно спросила графиня. – За *этим*?

– Да, ваше сиятельство, вы угадали, – ответила служанка.

– Кто?

– Крестьянин.

Графиня перевела дух.

– Как его зовут?

– Луи Ашар.

– Я его знаю, он из Шамбла?

– Да, то есть теперь из Лардероля.

– Кто его послал?

– Мэр.

– Берже предан нашей семье. И что же тебе сказал этот крестьянин... насчет того, что произошло в Шамбла?

– Ничего, он хочет говорить только с вами и с госпожой Теодорой.

– Хорошо, накорми его и пусть он подождет, мы сейчас выйдем.

Когда служанка выходила, графиня сказала ей вслед:

– Мари, покажи ему Жака Бессона, больного, в постели... Понимаешь?

– Понимаю, графиня.

Мари пошла на кухню к крестьянину и угостила его завтраком.

– Если вы были слугой в Шамбла, – как бы между прочим сказала она, – вы должны знать Жака Бессона.

– Как не знать! Сколько раз мы вместе с ним осушали бутылочку, да не одну.

– Бедняжка, ему теперь так плохо, – вздохнула Мари Будон.

– Я слышал, что он сильно болел.

– Он все еще в постели, бледный и худой, прямо страшно смотреть. Хотите его повидать?

– Да... если только это не опасно, оспа, сами знаете...

– Опасность миновала, пойдемте!

Луи Ашар встал и пошел за Мари Будон, которая привела его в комнату Жака.

– Вот, Жак, ваш старый друг, – объявила она, чтобы успокоить Жака. – Это Ашар из Лардероля, который пришел навестить вас и поговорить.

– Милости просим, – ответил Жак слабым голосом, слегка дрожавшим от волнения.

– Ну, что вы о нем скажете, – спросила Мари, указывая на Жака, – сильно он изменился?

От усталости, переживаний и бессонной ночи лицо Жака Бессона стало еще бледнее, так что Луи Ашар жалобно вскрикнул:

– Да краше в гроб кладут!

– А его бедные ноги! Если бы вы видели! Просто ужас!

Она бросила на больного многозначительный взгляд, и он прекрасно понял его смысл.

Бессон приподнял одеяло и показал Ашару свои ноги, завернутые в полотно с кровавыми пятнами.

– Ох! Бедный Жак! Как болезнь-то вас отделала! – воскликнул простодушный крестьянин.

– Да уж! Я еще очень слаб, – ответил Жак, – и не мог бы дойти пешком из Пюи в Шамбла. Но что вас так рано привело к господам?

– О! Я должен сказать это им самим, но вы скоро это узнаете, и весь Пюи это узнает – дело-то важное и наделает шуму на всю округу.

Жак Бессон и Мари Будон принялись с самым невинным видом расспрашивать Луи Ашара об общих знакомых в Шамбла и в Лардероле, потом заговорили о жатве и аренде Шамбла, договор о которой планировали подписать в тот же день, второго сентября.

– Дамы, должно быть, уже встали, пойдемте, – наконец сказала Мари Будон.

Луи Ашар встал, пожал руку Жаку и последовал за Мари Будон.

Через минуту они вошли в небольшую гостиную, где сидели обе дамы в пеньюарах. По знаку графини Мари Будон вышла.

– Ну, Ашар, – спросила графиня ла Рош-Негли, – что же такое случилось в Шамбла, что господин Марселанж послал вас ко мне в столь раннее время?

Графиня не колеблясь произнесла имя Марселанжа, которое не осмелились упомянуть Жак и Мари Будон.

– Ах! Ваше сиятельство, – ответил крестьянин печальным голосом, – господина Марселанжа в Шамбла уже нет.

– Где же он? – поинтересовалась графиня, спокойный и твердый голос которой нисколько не выдавал ее глубокого волнения.

– Он умер, ваше сиятельство.

Госпожа Марселанж поняла, что должна сыграть подобающую ей роль в этой зловещей комедии. Она пыталась это сделать, но бесполезно – из ее уст не донеслось ни звука. Тогда она поднесла к глазам носовой платок, но они были сухи – ей не удалось выдавить из себя ни одной слезинки.

– Что вы такое говорите, Ашар?! – вскрикнула наконец графиня. – Господин Марселанж умер?!

– Умер, ваше сиятельство.

– Как? Скоропостижно? От чего же он умер?

– От ружейного выстрела, ваше сиятельство.

– Убит! Как же это может быть?!

– Да, ваше сиятельство, убит!

Графиня в эту минуту также хотела казаться взволнованной, поскольку она, как и ее дочь, прекрасно понимала, что об этом ее разговоре с Ашаром тотчас узнают в Шамбла и подробнейшим образом разберут каждое слово и каждую фразу. Однако охватившее ее злорадство помешало ей напустить на себя скорбный вид. Она только и смогла, что покачать головой.

– Несмотря на мои разногласия с господином Марселанжем и на все, в чем я могла бы его упрекнуть, известие о его смерти глубоко меня потрясло.

После некоторого молчания она продолжила:

– Когда же случилось это несчастье?

– Вчера вечером в половине девятого, ваше сиятельство.

– Убийца, без сомнения, арестован?

– К несчастью, нет – ему удалось скрыться.

– Напали ли, по крайней мере, на его след?

– Пока еще нет, ваше сиятельство.

– А подозревают ли кого-нибудь?

– Решительно никого.

– Как?! Неужели вообще никого?

– Ограничиваются туманными намеками.

– Кого же все-таки называют? – настаивала графиня. Сердце ее лихорадочно колотилось.

– Буасоме, Пьера Вильдье.

Ашар вдруг умолк.

– Еще кого? – почти шепотом произнесла графиня, наклонившись к крестьянину.

– Жана Мартена, Бессона...

– Кого-кого? – переспросила графиня, внезапно выпрямившись. – Бессона?

Она побледнела, и губы ее судорожно дернулись.

– О нет! – добродушно ответил Ашар. – Не Жака! О нет! Одного из его братьев, Мишеля Бессона, прозванного слепым чистильщиком, который вчера просил милостыню у господина Марселанжа за несколько часов до убийства.

Графиня уже совладала с собой.

– Я и не думала, что могли подозревать Жака, – удивилась она и, поднявшись, продолжала: – Хорошо, Ашар. Скажите господину Берже, что мы полагаемся на его преданность и надеемся, что в этих прискорбных обстоятельствах он станет в Шамбла достойной заменой нам и в наших интересах сделает все, что сочтет нужным.

Луи Ашар поклонился и вернулся на кухню, где посидел несколько минут с Мари Будон, после чего отправился назад в Шамбла. Как только он ушел, Мари Будон побежала в маленькую гостиную, где остались графиня и ее дочь. Она думала, что они захотят поговорить с ней. Теодора лежала в кресле, глядя прямо перед собой отсутствующим и безжизненным взглядом. Глаза графини, напротив, горели огнем. Она в сильном волнении ходила по комнате, время от времени что-то бормоча, потом вдруг останавливалась, а потом снова начинала мерить комнату торопливыми шагами.

– Ну, что такое случилось? – спросила Мари Будон.

– Убит, только это и известно, – ответила графиня.

– А убийца?

Графиня с минуту подумала, потом отрывисто приказала:

– Пойди скажи Жаку, чтобы он встал и пришел сюда.

Служанка вышла и пошла за Жаком Бессоном. Через пару минут он медленно спустился по лестнице, терпя на каждом шагу невыразимые мучения, и явился к дамам. Его посадили в лучшее кресло, потом позвали Мари Будон, которой графиня доверяла и как преданной служанке, и как здравомыслящему человеку. Все четверо долго о чем-то говорили, и результат этого разговора станет нам известен в самом ближайшем времени.

XI

Тем же утром в замке Шамбла происходили печальные события. Тело убитого лежало на том же столе, за которым накануне ужинали слуги. Его анатомировал врач, вызванный для установления причин смерти. Кроме врача в кухне находилось еще восемь человек: прискакавший из Мулена Тюрши де Марселанж, прокурор и судебный следователь из Пюи, довольно поздно узнавшие о преступлении от Берже, мэра Лардероля, жандармский бригадир, двое жандармов и двое слуг из замка, Пьер Сюшон и Жанна Шабрие, вызванные для допроса.

Пока врач осматривал тело, прокурор и судебный следователь подробно исследовали место происшествия: окна, стены, мебель и другие предметы, приказав слугам расставить все вещи и предметы так, как они стояли до совершения преступления. Разбитое стекло указывало на то место, откуда стрелял убийца. Потом обследовали стул, на котором сидел Марселанж и спинка которого была повернута к окну в тот момент, когда в него стреляли.

– А это что такое? – вдруг спросил судебный следователь, указывая на царапину на спинке стула и круглую дыру в верхней перекладине.

– Это отверстие, – ответил бригадир, – в которое пролетела пуля. Об этом нетрудно догадаться.

– А царапина? – продолжал судебный следователь.

– Если я не ошибаюсь, – сказал бригадир, – то сюда попала дробь. Да, ружье зарядили хорошо.

– Вы угадали, – обратился врач к бригадиру. – Посмотрите, что я вынул из тела.

Он положил на руку бригадира пулю и две дробинки.

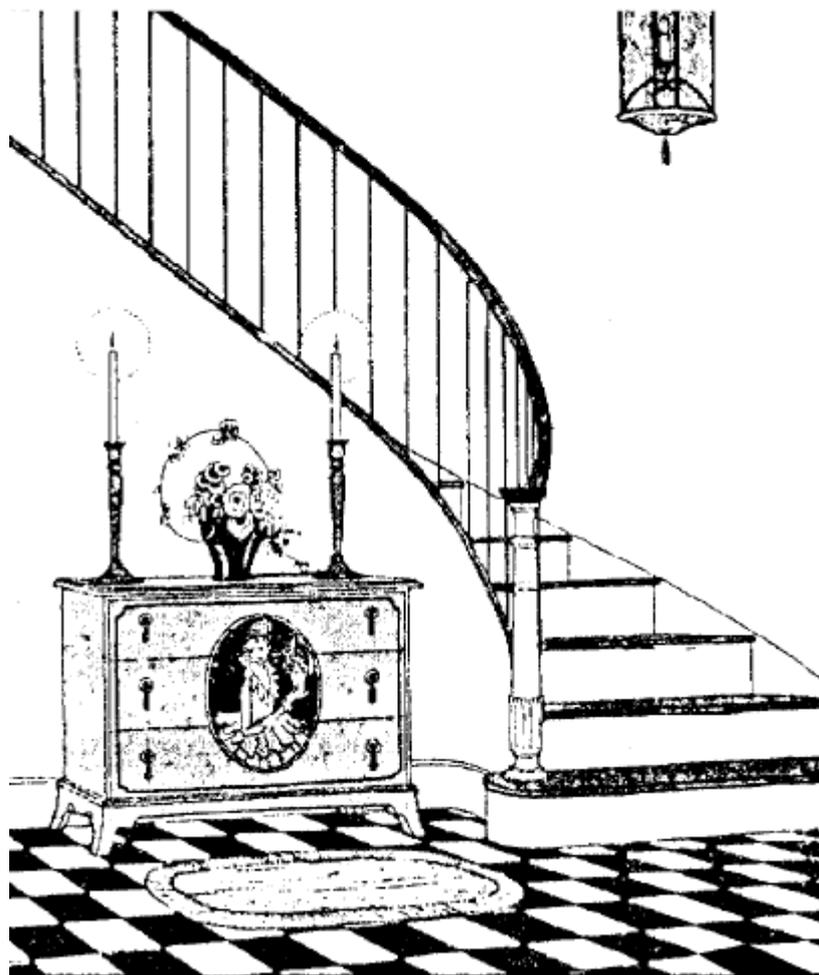
– Каково ваше заключение, доктор? – спросил судебный следователь, приготовившись писать.

– Выстрел был произведен в спину, две дробинки сломали ребро, а пуля вошла в легкое, где я ее и нашел. Смерть наступила мгновенно.

– Это совпадает с показаниями всех слуг, присутствовавших здесь в момент убийства, – заметил судебный следователь, записав слова доктора.

Осмотр места происшествия закончился. Врач обменивался замечаниями с прокурором и судебным следователем, который что-то писал, примостившись в углу кухни, у дверей трое жандармов разговаривали с Пьером Сюшоном и Жанной Шабрие. Тело со вскрытой скальпелем грудью лежало на большом столе. В эту минуту в комнату вошел прилично одетый человек с крепом на шляпе. Первое, что бросилось ему в глаза, был труп, но вместо того, чтобы в ужасе отвернуться, он бросил на него полный ненависти свирепый взгляд. Вошедшим оказался Жак Бессон.

Преодолев свой страх, он поддался на уговоры и согласился помочь обоим господам Шамбла, которые хотели знать, что будет происходить в замке сразу после убийства. Чтобы не подпасть под подозрение, он отправился в Шамбла с поручением, которое делало его присутствие там совершенно необходимым. Графини де Шамбла направили его туда для того, чтобы он проследил, что в отсутствие хозяйек судьи и родственники покойного приняты должным образом и ни в чем не нуждаются. Такова была «официальная» и второстепенная причина его приезда в замок, но помимо нее существовали две тайные и главные причины, по которым он появился в Шамбла.

Во-первых, как мы уже сказали, графиня хотела, чтобы в Шамбла находился преданный ей человек, который бы все видел, все слышал и все подмечал. Бессон как нельзя лучше подходил для этого не только из-за своего ума и хитрости, но еще и потому, что он, как и графиня, был заинтересован в том, чтобы сразу же заметить малейшие признаки опасности.

Во-вторых, графиня знала, что все бумаги покойного тотчас же опечатают и назначат кого-то, кто бы следил за их сохранностью. Среди бумаг обязательно должно присутствовать завещание ее зятя. Плюс к этому там может оказаться записка, в которой Марселанж мог бы назвать Жака Бессона как своего наиболее вероятного убийцу. Следовательно, цель графини состояла в том, чтобы следить за бумагами назначили по возможности верного ей человека. Она надеялась, что собравшиеся в замке официальные чины остановят свой выбор на Бессоне, доверенном лице графинь де Шамбла, против которого, как она надеялась, у них нет никаких подозрений.

Однако Жак совершил промах, посмотрев на тело с ненавистью и злорадством. Он как-то не подумал, что рядом с ним находились пять человек – прокурор, судебный следователь и три жандарма, которые в силу своей профессии привыкли подмечать любую мелочь. Они заметили, как он посмотрел на убитого, и этот взгляд вызвал у них подозрения. Жандармы быстро переглянулись, а потом внимательно рассмотрели на одежду вошедшего и машинально запомнили его приметы: недавние следы оспы, распухшие губы, смуглый цвет лица, черные волосы, падавшие на лоб, светло-голубые глаза, твердый взгляд, новенькие башмаки на ногах, коричневый камзол, бархатные оливкового цвета панталоны и креп на шляпе.

Быстро совладав с собой, Жак Бессон с поклоном сообщил присутствующим, что в столовой накрыт стол, и он приглашает их туда от имени графинь де Шамбла. Тюрши де Марселанж, прокурор, судебный следователь, доктор и бригадир приняли это приглашение.

В столовой они увидели родственников Марселанжа, среди которых присутствовал нотариус Меплен.

– Это что, управляющий? – спросил прокурор, сядя за стол рядом с нотариусом. – Какой у него, однако, мрачный вид.

– Это некто Жак Бессон, бывший свинопас из Шамбла, потом доверенное лицо графинь де Шамбла, хотя господин Марселанж выгнал его за дерзкое и наглое поведение. Он носит траур на шляпе, а не в сердце, в этом я ручаюсь.

– Мне тоже так кажется, – добавил бригадир, слышавший слова нотариуса.

Все сели за стол, и обед начался в скорбном молчании. Лишь через несколько минут сидевшие за столом стали переговариваться, да и то шепотом. Никому не удавалось отделаться от мрачных мыслей, вызванных сперва известием об убийстве, а потом видом лежавшего на столе в кухне мертвого тела. Если они и думали о чем-то или о ком-то другом, то прежде всего о Жаке Бессоне, возможно оттого, что знали, как слуга ненавидел своего покойного господина, или потому, что Бессон выделялся среди присутствовавших своим внешним видом.

Жак и не подозревал, какую реакцию он вызвал у окружающих, однако пустяковое недоразумение заставило его почуять что-то неладное. Взглянув на стол, Бессон увидел, что тарелка нотариуса Меплена не переменена. Понимая, какой вес может иметь мнение такого влиятельного человека, когда станут назначать «хранителя» бумаг, он поспешно подбежал к нотариусу с чистой тарелкой в руке и хотел взять у него грязную, но Меплен оттолкнул его с таким отвращением, что это заметили все сидевшие за столом, и, позвав проходившего мимо лакея, отдал ему свою тарелку. Жак отступил, покраснев от стыда и досады. Он не на шутку разволновался, поскольку этот жест нотариуса был встречен молчаливым одобрением. Бессон еще сильнее ощутил надвигающуюся опасность.

Обед подходил к концу, когда раздался печальный колокольный звон. Жак побледнел: звуки этого колокола отдались в его сердце и заставили его понять весь ужас совершенного им преступления. Но все уже торопливо вставали из-за стола, и никто не заметил его смятения. Подошел слуга и что-то сказал Тюрши де Марселанжу. Тот попросил всех следовать за ним к главным воротам замка, где в гробу лежало тело несчастного Луи де Марселанжа, покрытое саваном.

Во дворе толпились местные крестьяне и люди, пришедшие из окрестных деревень, чтобы проводить в последний путь всеми любимого и уважаемого человека. Огромная погребальная процессия направилась к церкви, а в замке остался только один человек, мрачно и угрюмо сидевший за пустым столом и поедавший хлеб с сыром, запивая его водой вместо вина. Иногда он что-то бормотал себе под нос и оглядывался по сторонам. Этим человеком был Жак Бессон, единственный, кто не пошел за гробом своего покойного господина. Через несколько минут он забыл о еде и питье и, облокотившись о стол, стал пристально смотреть в окно на небо, серое и тусклое, словно свинцовый купол. Так он просидел минут пятнадцать, а потом вдруг произнес:

– Да как они смогут узнать?

В эту минуту сзади послышалось хорошо знакомое ему рычание. Он обернулся и увидел Юпитера, который свирепо смотрел на него, оскалив огромные зубы.

– Гадкая скотина! – прошипел Жак. – Эта собака выдаст меня, если я оставлю ее в живых.

Он встал и медленно вышел, сопровождаемый зловещим взглядом и сердитым рычанием Юпитера, готового броситься на него. Жак побежал на кухню, схватил висевшее над камином ружье, убедился, что оно заряжено, и проворчал:

– Надо прикончить эту проклятую собаку!

Немного подумав, он продолжал:

– Здесь нельзя, надо увести эту псину подальше от замка в лес Риу или Фрейсили, а для этого мне нужен Арзак. Отсюда до его поля недалеко, так что надо идти туда.

Он выбежал из кухни в столовую, где еще сидел Юпитер, и хотел было открыть дверь, ведущую в каштановую аллею, как дверь открылась сама по себе. Кто-то вошел. Увидев этого человека, Жак задрожал, побледнел и, застыв от охватившего его ужаса, выронил оружие. Это был убитый им Марселанж, который вдруг появился перед ним весь в черном, печальный и бледный.

– Что это с вами такое? – строго спросил Тюрши де Марселанж, окинув Бессона суровым взглядом. – Почему вы так нервничаете, спутав меня с моим несчастным братом? Это страх или что-нибудь гораздо хуже, а?

Жак едва успел совладать с собой, как вслед за Тюрши де Марселанжем вошли еще несколько человек. Среди них был Берже – лардерольский мэр, преданный графиням де Шамбла.

Прокурор сразу же поднял вопрос о том, кого назначить «хранителем» опечатанных бумаг, для чего попросил родственников и друзей покойного порекомендовать ему такого человека.

– Если позволите мне высказать свое мнение, – почтительно начал Берже, – то я знаю человека, который вполне с этим справится.

– Ну, – спросил прокурор, – и кто же этот человек?

– Жак Бессон.

– Жак Бессон! – с негодованием вскрикнул Меплен. – Заклятый враг нашего несчастного родственника! Нет, это невозможно!

– Я решительно протестую, – в свою очередь добавил Тюрши де Марселанж.

– Но Жак Бессон – доверенное лицо графинь де Шамбла, – пролепетал Берже.

– Неужели вы думаете, что поэтому и я должен доверять ему?! – с негодованием воскликнул Тюрши, глядя мэру Лардероля прямо в глаза.

В эту минуту бригадир жандармов услышал какое-то тихое рычание. Он взглянул на Юпитера и поразился тому, как пес смотрел на Жака. Двое других жандармов тоже обратили внимание на такое поведение собаки. Это заметил и сам Жак Бессон, который в замешательстве незаметно выскользнул из столовой и пошел по каштановой аллее, бормоча себе под нос:

– Ох, не к добру все это! Надо как можно быстрее покончить с Юпитером!

XII

Жак Бессон давным-давно ушел. Официальные лица, находившиеся в гостиной, удобно устроились за столом и тихо переговаривались между собой. Когда вошла Жанна Шабрие, неся в руках поднос с бокалами, бригадир жандармов спросил ее, указывая на Юпитера:

- Это что за собака?
- Юпитер, господин жандарм, – простодушно ответила кухарка.
- Я не кличку ее спрашиваю, а для чего ее держат в замке.
- Она сторожит, ее выпускают каждую ночь.
- А выпускали ли ее вчера до того, как было совершено убийство?
- Выпускали, господин жандарм.
- Так она, наверно, лаяла?
- Никак нет, господин жандарм.
- Как вы это объясните?
- В то время во дворе ее не было.
- А откуда это вам известно?
- Ее везде искали, но никак не могли найти.
- Что же вы подумали, когда не нашли сторожевую собаку?
- Что ее, скорее всего, увел тот, кто хотел, чтобы она находилась в другом месте.
- А кого эта собака признавала? – включился в допрос судебный следователь.
- Днем она признавала всех, а ночью – никого.
- Как! Неужели совсем никого? Ни господина Марселанжа, ни дам, ни Жака Бессона?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.